

Михаил Иоффе

Искушение Инквизитора

О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся...

Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы

Поэма о Великом инквизиторе

Часть 1

ДИАЛОГ

Иисус пошёл к двери, но остановился. Он внимательно посмотрел на Инквизитора.

– Ты был искренен со мной. И говорил убеждённо.

Он вернулся и присел на скамью.

– Я не хочу уйти молча, не сказав тебе то, что думаю я. Ты достоин большего, чем молчание.

Он помолчал и снова посмотрел на Инквизитора своим грустным пронизывающим взглядом.

– Хочу спросить тебя, а так ли глубоки твои убеждения? Так ли уж безоговорочно ты уверен в своих взглядах? Разве не ощущал ты беспокойство, говоря со мной? Разве не вздрагивало сердце твоё каждый раз, когда ты возражал против мыслей и дел моих?

Старческие глаза Инквизитора широко раскрылись и вспыхнули недобрым блеском. Но теперь молчал он.

– Ты говоришь, что людям непосильна моя свобода. Что только тысячи пойдут со мной, а о тысячах миллионов позаботишься ты, ты и такие, как ты. Ты действительно веришь, что заботишься о них? Ты действительно веришь, что хочешь дать им то, что им надо, что они искренно хотят этого всем существом своим, душой своею? Дух свой они хотят насытить лишь хлебом своим? Познавать этот мир, бесконечное величие его, безграничную любовь и красоту его – и всё это лишь для конечного куска хлеба? Или ты отказываешь людям в наличии Духа? Духа, который идёт из истока, и исток этот – в Царствии Отца моего небесного. Нашего Отца!

Инквизитор ещё больше выпрямился, и ещё сильнее сверкнули его глаза, но опять сдержался и промолчал.

– Страшную правду открою я тебе. Ты, наверное, и сам её понимаешь, но боишься сказать это, даже самому себе сказать боишься.

Старик напрягся.

– Не о людях заботишься ты, а о себе. О себе и о хозяевах твоих. Ты сам признаёшь, что держите вы людей во лжи. А разве может истина твориться во лжи? И вся ваша забота о людях – не дать умереть им от голода и от войн, чтобы паслись они, как послушное стадо на ваших лугах. И среди послушных овец ваших отбирают самых сильных, чтобы правили

они остальными, ибо лучше понимают сородичей своих. Не ты ли одна из таких сильных овец?

Губы старика сжались ещё плотнее.

– А задумывался ли ты, да наверняка задумывался, зачем хозяевам твоим пасти такое большое стадо? Может, и ответ знаешь?

Иисус взглянул на него, но Инквизитор, не мигая и не отводя глаз, смотрел на Иисуса.

– Ты говоришь, что мучаешься ото лжи этой, но берёшь на себя муки эти во имя людей, чтобы пребывали они в своей сытой и сладкой иллюзии изобилия хлебов. Может быть, ты и мучаешься, а хозяева твои? Насколько волнует их ложь ваша? Ты усмехаешься, зная, как люди побегут собирать хворост под сожжение моё, даже зная, кто я, от страха ли, от черноты души ли, от стремления к порядку, от радости подчиняться силе, от бездумия жизни своей. Но не так ли насмеваются над тобой хозяева твои, взирая, как в сознательной лжи поддерживаешь порядок ты, как восхищаешься их силой в сознании ничтожности силы своей, в надежде возвыситься и стать сильнее? Ты станешь сильнее, если будешь хорошо служить им, но во имя чего? Думал ли ты об этом?

Инквизитор чуть сгорбился и продолжал слушать.

– Знаешь, в чём главная ошибка твоя? Ты торопишься. И в торопливости своей ты потерял ощущение смысла бытия своего. Ты заменил его порядком. В поисках порядка ты решил опереться на силу, потому что сила даёт порядок быстрее. В поисках силы ты нашёл тех, кто эту силу даёт. И, прикрываясь именем моим, предал меня. Но порядок этот непрочен, это лишь иллюзия порядка. Парадоксально, не правда ли? Искусив людей хлебами, ты обратил их жизнь в иллюзию. Ты построил порядок, которым ты так гордишься, ибо столько сил и умения ты отдал этому. Сколько крови, жестокости по отношению к убиенным, сколько разрушенных жизней и семей, сколько совращённых душ тех, кто собирал хворост для костров твоих. Отец твой на небесах дал тебе долгую жизнь, и ты посвятил её строительству своего порядка. Порядок становился всё устойчивей, каждый знает в нём своё место, все склонили свои головы перед тобой. И в конце жизни своей ты осматриваешь своё творение, которое кажется столь совершенным, и... видишь, что построил иллюзию порядка.

– Нет, – вырвалось у старика, – этот порядок вечен!

– Такую же иллюзию, которую ты создал для стада своего.

– Я выше стада, Я пастух, Я даю направление, куда идти, что делать, как лучше выращивать хлеб, Я даю им спокойствие и уверенность!

– Брат мой, ты не ведаешь, что творишь. Ты думаешь, что время будет всегда бежать одинаково? Но поверь мне, скоро оно побежит быстрее, потом ещё быстрее, и вы потеряете контроль над ним. И вот вторая ошибка, которую совершил ты. В стремлении своём создать порядок ты решил отключить людей от их Духа. Но ты не понял, что, убив дух сей в душах людей, ты убил и человека. Разве дерево без корней может выжить? Оно плодоносит некоторое время, но обречено рухнуть.

– Я подпитываю это дерево, – усмехнулся Инквизитор, – Я даю ему всё, что нужно.

– Не ты породил его и не тебе знать, что нужно ему. Придёт время, и без Духа люди не смогут даже хлеб выращивать, и не сможете вы ничего сделать с этим. А без хлеба рухнет и твой порядок, ибо ничего другого не осталось.

– Ты ошибаешься, Иисус, – твёрдо сказал Инквизитор, – этот порядок вечен. Только не мешай мне. Уходи и не мешай, и ты узрешь плоды мои.

Иисус помолчал и продолжил.

– Ты говоришь, что, показав людям чудо, можно увести их за собой. Ты удивишься, я не против чуда. Я думаю, люди иногда должны видеть чудеса, но с какой целью – это главное. Чудо должно придать силы человеку, сделать его чуть уверенней, но не должно быть главным в его жизни. Не чудо должно направлять человека, а он сам, развившись, притягивать к себе чудеса. Кому определено, тот узрит, кому ещё рано, не узрит, а узрит – не почувствует, а почувствует – не поверит. Если дать богатырю еды невиданной, только укрепятся силы его, если дать ту же еду ребёнку, сила эта раздавит его и искалечит.

Многие чудеса делать могут. И если делает кто-либо чудеса сии ради денег или гордыни своей, то раздаёт он их всем подряд, ибо не о людях думает он, а о себе. И неважно ему, что будет с людьми потом. Если чудо правильное и к месту, то выходит человек мыслями светел и духом возвеличен. И огонь горит в нём, но не тот, что сжигает, а тот, что поддерживает, огонь творящий. Если же чудо неправильно, то становится он завистлив и напуган, и не сердца просит он, а силы, а если и зажжётся огонь в душе его, то и сам он в нём сгореть может и других сжечь.

Инквизитор впервые о чём-то глубоко задумался, слова Иисусовы задели его. Он едва не поддался порыву что-то сказать, но сдержался.

Иисус подождал, наблюдая за ним.

– Ты говорил также, что людям нужен авторитет. И опять лукавишь ты. Не слово важно, а какая цель в нём. Ребёнок родившийся – разве не авторитет для него родители его? И если есть у родителей любовь истинная, то всё сделают они для блага дитя своего, не душить будут своими руками, а подставлять руки, чтобы крепче стоял он на ногах. Не навязывать мысли свои из страха, что ребёнок вырастет непохожим на них, но помогать ребёнку мыслить самому, ибо уважают они ребёнка своего, ибо во главе всего любовь.

Такой ли авторитет ты хочешь? Нет, ты желаешь, чтобы люди стояли перед тобой подчиняющиеся, смиренные, запуганные. А ты был бы кесарем среди них.

Ты когда-нибудь задумывался, почему люди идут за мной? Почему они решают обменять надёжное, видимое и осязаемое на нечто невидимое и неосязаемое? Что они должны ощущать в душе своей? Не все, но те, кто избавился от соблазна твоего, кто понял, что хлеб нужен для утоления голода и поддержания жизни, но не хлебом единым жив человек. Перестав гнаться за количеством хлеба, оперевшись на мой авторитет, облегчили они души свои и, взлетев, ощутили чудо бесконечности. Разве будет гнаться за количеством тот, кто понял, что любое количество конечно, а он может получить бесконечно много и при этом не обделит никого?

Инквизитор ухмыльнулся и первый раз ответил:

– Долго же ты искал таких людей. Я вижу другое и не могу не верить в то, что вижу. Вокруг меня люди, которые просто желают выжить, на уровне хлеба, для себя и своей семьи. Им нет дела ни до какой бесконечности, они не знают и не хотят знать этих слов, тем более размышлять об этом. Эти люди живут, не поднимая головы, и ходят в церковь, чтобы немного успокоиться и не одичать полностью. И моя церковь даёт им всё, что нужно. Я вижу и других людей, которые приподнялись над голодом и пищей. И что же? Что движет ими? Деньги, власть и страх потерять деньги и власть. Деньги, власть и страх – вот три рычага, управляя которыми, можно дать этим людям чувство значимости, сделать их жизнь наполненной борьбой, интригами, удовольствиями, – и моя церковь даёт и этим людям всё, что им надо. Есть, наконец, элита, те, кому не нужны деньги и власть ради денег. Это моё окружение. Для нас главное – порядок. И мы добиваемся его. Давая

еду бедным, раздавая деньги и власть и держа всех в страхе, чтобы знали свои границы. Да, я использую твоё имя, но разве ты будешь сердиться на это? Разве великая цель не оправдывает такое средство? – Инквизитор улыбнулся.

Иисус печально посмотрел на него.

– Ты очень циничный человек. Человек не так прост, как ты его представляешь. Ты сознательно огрубил его, отбросил его надсущное и оставил животное, не обращаешь внимание на то, что облегчает его душу и возносит его к Отцу, и утяжеляешь её, чтобы он сильнее притягивался к земле. Имея власть, обладая умом и волей, ты бы мог постепенно открывать перед людьми всю красоту истинной свободы...

– И получил бы всеобщую анархию.

– Вознося человека к Богу...

– Никто бы не понял твоего Бога. Они всё равно отвернутся и придут ко мне.

– Если ты приоткроешь им глаза и уберёшь страх, они постепенно устремятся к Небесам.

Инквизитор внимательно смотрел на Иисуса, напряжённо думая. Наступило долгое молчание.

– Хорошо, – прервал тишину Инквизитор, – давай сделаем, как ты хочешь. Я не только не сожгу тебя и дам тебе уйти, но и не буду мешать тем, кто захочет уйти с тобой. Я уберу страх, а ты приоткроешь им глаза, и будь что будет.

Иисус молчал, потом так же молча встал и неслышно вышел.

Через некоторое время из темноты появилась фигура в капюшоне.

– Учитель, что вы сделали, зачем вы пошли на это, ведь он был в наших руках?! Завтра мы могли бы прилюдно сжечь его, показать перед всеми его ничтожность, чтобы у него в будущем не было больше мыслей мешать нам.

Инквизитор весь сжался от гнева.

– Ты один из лучших моих учеников, но смотришь только перед собой и мыслишь категориями завтрашнего дня, не более того. Если мы сожжём его, покажем, как ты говоришь, его ничтожность, чьим именем мы будем править? Какой авторитет ты дашь людям взамен? Весь наш порядок держится только на том, что люди знают, что есть нечто, чему они должны повиноваться, нечто, что выше их разума, что освящено веками. Ты покажешь свою силу завтра, а послезавтра ты получишь тысячи стай, и каждая будет считать себя правой, потому что из жизни людей уйдёт пример истины.

– Простите меня, Учитель, я позволил эмоциям затмить свой разум. Вы, конечно же, правы. Как всегда.

– Но дело не только в этом, – старик задумался, – есть ещё две причины, по которым я отпустил его. Это мои личные причины.

– Могу ли я осмелиться спросить о них? – робко спросил ученик.

– Первая – это то удовольствие, которое я хочу получить завтра, – старик хитро заулыбался.

– Удовольствие!?

– Да, ты это увидишь сам. А вторая – этого я пока тебе не скажу. Но я почти уверен, что это случится.

Инквизитор быстрой походкой вышел из камеры, а ученик ещё долго стоял согнувшись, спрятавшись в свой капюшон.

ИСХОД

В Севилье было воскресенье. Солнце заливало своим светом город. Люди вышли на улицы. Все думали о вчерашних чудесах, но боялись говорить об этом открыто. Заполнялись церкви, ждали каких-то особенных проповедей. Время шло, но священники не приходили, это усиливало ропот, напряжение росло, происходило что-то необычное. Привычный ход жизни нарушался, и стал расти страх в душах людей. Город был богатый, люди тяжело работали, но жили хорошо. Жизнь была размеренна и понятна. Неопределённость, повисшая в воздухе, пугала. Люди собрались перед резиденцией Инквизитора, где находились сейчас все священники, но ворота были закрыты. Наступила тишина. Время тянулось томительно. Устремив, словно заколдованные, свои взгляды на ворота, люди терпеливо ждали. И только когда напряжение достигло своей высшей точки, готовый выплеснуться в крики и беспорядки, в звенящей тишине послышался звон металла. Это открылся засов на воротах.

Единый вздох пролетел по площади. Через открывшиеся ворота стали выходить священники. Впереди шёл Великий Инквизитор. Его лицо было бледнее обычного. Лица остальных были бесстрастны. Священники звали людей на проповедь в свои церкви. Люди расступались перед ними, образуя проход. Постепенно все разошлись по церквям.

Инквизитор проповедовал в кафедральном соборе.

– Жители Севильи! Любимые дети мои! Великое событие произошло в нашем городе. Вчера вы были свидетелями, как появился у нас чужестранец и творил дела великие. Творил чудеса! Будучи на страже порядка нашего великого города, мы решили проверить, кто это, и не именем ли Сатаны он творит чудеса, свращая народ? Но нет, мне достаточно было посмотреть в глаза ему, и я понял, что это Иисус, Господь наш и...

Договорить он не мог, крики заглушили всё. Люди кричали и плакали. Волна счастья захватила всех, она выплеснулась из собора и слилась с подобными волнами из других церквей и захлестнула весь город.

Инквизитор терпеливо ждал. Наконец люди успокоились.

– Я разговаривал с Иисусом в великом почтении и смятении и, конечно же, отпустил его. И, граждане Севильи, Господь наш, учитывая заслуги нашего города и его церкви, пообещал нам небывалый дар. Он пообещал прямо сегодня забрать всех с собой в Царствие небесное.

Измучённый вздох снова прервал его речь. Начался невообразимый шум. Инквизитор, не прерывая его, снова дождался, пока все взгляды снова устремились на него.

– Вы спросите, где же он? Я не знаю. Но он должен появиться, ибо не может нарушить обещание. Иисус хочет повести вас в царство истиной свободы. Подумайте, что мы знаем об этом царстве?

Все молчали.

– Я такой же, как и вы. Я тоже ничего не знаю. Что ждёт вас там? Наверное, вы будете там в полной равности, никто не будет обладать ничем, но чувствовать, что обладает всем. И хозяин будет как слуга его, а слуга как хозяин.

Инквизитор сделал паузу, как будто углубляясь в свои мысли. В кафедральном соборе собирались в основном богатые, важные, привилегированные жители со своими слугами, и последние слова заставили их призадуматься.

– Ибо сказано в Евангелии: «...лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову...». Так разве же и вам будет где

преклониться? Не думайте об этом! Доверьтесь Господу! Отдайтесь ему полностью, и он поведёт вас за собой.

Но люди стали думать.

– Всех? – раздался вопрос.

– Господь не может повести всех. Он уважает свободу человека и не признаёт насилия и назидательности. Он поведёт только тех, кто захочет пойти с ним. Откажитесь от всего, облегчитесь и доверьтесь. На Небесах вы получите несравненно больше.

– А вы пойдёте с нами, святой отец?

Инквизитор не без труда подавил улыбку. Как он ждал этого вопроса!

– Нет, дорогие мои. Мне ещё рано покидать этот мир. Я должен продолжать заботиться об оставшихся в городе. Я не могу оставить на произвол судьбы и богатства церкви нашей. Кто, если не я, должен подумать о передаче всего этого в надёжные руки? Всё это произошло так неожиданно, что мы не были готовы, а интересы моей церкви для меня превыше всего.

Инквизитор осмотрел притихшую паству. В душе он торжествовал: пока что люди вели себя в точности с его представлениями; значит, и дальше будет так. Он получал наслаждение от этой игры. Ведь он играл с самим Иисусом, и играл по-честному, ну, почти по-честному, самую малость он переигрывал, но кто это заметит.

– Думайте, думайте, хорошо думайте и выходите на улицы, уверен, скоро вы увидите Спасителя, – произнёс он. *«Пусть побольше думают, с их головами я научился справляться. Чувства гасить намного труднее, порой невозможно. А сжигать в этой игре я никого не буду».*

Вся Севилья вышла из домов. От волнения мало кто мог говорить. Хотя находились насмешники, которые даже в этой ситуации ёрничали, пробуя шутить. Немногие смеялись, остальные думали, просто стояли в растерянности, дрожали от волнения, плакали. Многие были озлоблены, не в силах принять решение. Никто не знал, что будет. Многие надеялись, что, может, ничего и не произойдёт, и этот ужас выбора закончится, так и не начавшись.

Иисус появился незаметно. Он вышел с маленькой боковой улочки и медленно шёл по направлению к площади. Но сила его шла впереди него. Люди оборачивались в недоумении и, видя его, без слов понимали, кто перед ними, падали на колени. Он шёл, слегка улыбаясь, внимательно вглядываясь в лица людей. Неземная глубина и бездонная загадка струились из его глаз.

Поймав его взгляд, уже нельзя было отвести глаза, хотелось впитывать каждое мгновение его, как воду из чистейшего родника, как прикосновение к забытой правде, и после того, как он проходил дальше, в душах людей навсегда запечатлевалось его прикосновение. Люди замолкали, проникшись глубиной этого переживания, оставаясь в возвышенном благоговении. Иисус рассекал площадь, никого не касаясь, и людское море расступалось перед ним тихо и безропотно. В центре площади он поднялся на небольшую трибуну, так что был виден со всех сторон. Он стал осматривать площадь, медленно поворачиваясь. Наступила абсолютная тишина. Десятки тысяч глаз смотрели на Иисуса, стараясь не упустить ни одного его взгляда, ни одного движения. И тут Иисус поднял руки ладонями к людям. И такое сияние пошло из этих рук, такая волна света, что люди сжались ещё плотнее, только чтобы быть поближе к этому свету. Свет источал невыразимое блаженство, он притягивал и вызывал желание слиться с ним, раствориться в нём, ощущать его бесконечно.

И в этот момент, когда слияние людей с Иисусом было безгранично и над городом нависло божественное спокойствие, на стоявшую в стороне другую трибуну взойшёл Великий Инквизитор.

Он с достоинством, не спеша, поднялся по ступенькам и выпрямился во весь свой большой рост, с горделивой и прямой осанкой. Его глаза сверкали и излучали немалую силу. Головы людей невольно повернулись в его сторону, и если, глядя на Иисуса, люди растворялись в его энергии, замирая от нового ощущения бытия, то взгляд Инквизитора возвращал их на землю. Они стали вспоминать его слова на проповеди, другие священники в своих проповедях говорили те же слова, и команда *«думайте»* начала раскручиваться в их сознании. Очень немногие устояли перед его мощью. Только самые сильные души остались полностью в поле Иисуса, остальные же начали колебаться, лёгкость уходила из них, волнение, неуверенность, сомнение, чувство собственной значимости и важности, вспыхнувшее вдруг недоверие – *«а Иисус ли это?»*, и страх, страх перед неизвестным постепенно возвращали их в свой привычный мир.

Иисус и Инквизитор оставались абсолютно спокойными, не прерываясь ни на миг, впечатывали свои взгляды в людскую массу. Ученики Инквизитора, стоявшие рядом, дрожали от излучения его силы. Он заранее разослал учеников по площади: они должны были приходить и рассказывать о развитии событий. Но пока ничего не происходило. Неподвижные фигуры Иисуса и Инквизитора возвышались на площади, как два центра силы. Кульминация приближалась.

Иисус опустил руки, и всё стихло. Глаза его светились любовью и бесконечным состраданием.

– Если добрые семена бросить в плодородную почву, поливать их и заботиться о них, получишь ты урожай великий, если бросить добрые семена в каменистую почву, поливать их и заботиться, то произрастёт урожай меньший, если бросить добрые семена просто в камни, то и там произойдёт чудо, и из тысячи семян один колосок расцветёт и силён своим стеблем будет. Но где бы ни выросли колосья, каждый из них дорог сердцу моему, и ни один из них не похож на другой, и каждый прекрасен по-своему. И если стебель прочен, то не сломают его никакие ветра, и цветок его всегда повернётся к солнцу и свету. И не будет цветок сей рассуждать, тот ли этот свет или есть свет поярче, а почувствует каждым зёрнышком своим, что это и есть Свет, Свет истинный, Свет начала всех начал, Свет рождающий, Свет несущий.

Я пришёл сегодня собирать урожай свой, посеявши семена много веков назад. Многие пришли в Царствие моё за это время, сегодня же я хочу сам помочь стеблям крепким отдать свои зёрна, стебли гнущиеся укрепить, стеблям упавшим дать почувствовать, что они способны окрепнуть и выпрямиться. Кто хочет – пусть идёт за мной.

Он сошёл с трибуны и пошёл к выходу из города. Инквизитор обернулся к стоящему ступенькой ниже ученику. «Вот теперь смотри внимательно. Пришло время нашего торжества!»

Иисус не спеша проходил через людей, внимательно всматриваясь в их глаза. Многие провожали этот взгляд, стараясь впитать и запомнить его, ибо чисты были их сердца, и плакали они, не в силах сдержать переполнявшее их блаженство. Были и такие, кто опускали глаза, не выдерживая этот взгляд, ибо черны были их сердца, и задыхались они. Были и такие, кто смотрели с недоверием, думая, *«да Иисус ли ты, мало ли кто может делать чудеса»*, ибо сами обманывали многих. Были и такие, кто смотрели со злобой, ибо считали себя обделёнными и злились на весь мир. Но постепенно с разных сторон

площади люди стали идти вслед за Иисусом. Вначале это были одиночки, но вскоре образовался маленький людской ручеек. Люди шли, но их было немного.

Инквизитор непрерывно принимал сообщения своих разведчиков. Они докладывали ему, сколько и кто пошёл за Иисусом.

– Шут Хорхе с площади Изабеллы, – стоявшие рядом с Инквизитором засмеялись...

– Жаль, – сказал ученик, – кто теперь будет веселить людей?

– Господин, две семьи рыбаков в полном составе.

– Несколько ткачей.

– Философ Ангелио из университета, – Инквизитор вздрогнул, он уважал его и любил с ним вести беседы. *«А ведь я спас его от костра, уничтожил донос на него, и он знал об этом, – с горечью подумал Инквизитор, – хотя я сжѐг двух его близких друзей».*

– Вернуть его? – ученик уловил настроение учителя, но тот отрицательно покачал головой.

– Священники Пабло и Фердинанд.

– Что?! – глаза старика бешено сверкнули. Свои! Фердинанда он давно подозревал, но Пабло... Хотя... – он вспомнил, как во время одного из массовых костров он перехватил его взгляд, в нём мелькнули жалость и слѐзы, это было несколько секунд, но он их заметил. А потом забыл в делах, а забывать было нельзя, надо учесть на будущее.

– Вернуть! – крикнул он, и сразу двое помощников бросились вниз. Но через секунду он отменил свой приказ.

– Чем больше мы будем удерживать, тем сильнее появится желание у других. Пусть уходят, – объяснил он.

Ручейки сливались в небольшую речку, но Инквизитор видел, что эта речка совсем небольшая, и он был доволен. Когда все желающие собрались около Иисуса, главный помощник подошёл к Инквизитору.

– Монсеньор, всего ушли триста двадцать шесть человек.

– Триста двадцать шесть человек, – воскликнул ученик, – это же целый квартал!

– Это всего полпроцента Севильи, – усмехнулся Инквизитор, – и это весь его урожай.

– Это то удовольствие, которое вы хотели получить, монсеньор? – Инквизитор кивнул.

– Преклоняюсь перед вашим предвидением.

Инквизитор не двигался с места, продолжая смотреть в сторону ушедших.

– Монсеньор, но вы говорили о второй причине, по которой вы отпустили Иисуса. Что же ещё? Всё уже кончилось.

Инквизитор насмешливо посмотрел на ученика. *«Глупец»*, – подумал он.

– Ещё ничего не начиналось, – он плотнее сжал губы. – Иди ко мне.

Ученик поднялся на ступеньку, ему стало почему-то не по себе.

– Ты подумал, почему люди идут за Иисусом, что толкнуло горожан решиться даже на уход из мира вместе с ним?

– Но это всего полпроцента!

– Это триста двадцать шесть человек. И это не только шуты и юродивые, там выходцы из разных слоѐв общества. Что должен ощущать человек, чтобы пойти на такое, что творится у него в душе, у этого запуганного, приниженного существа, который, как выясняется, не так уж и запуган, если способен принимать такое решение? Сегодня была проверка всей нашей деятельности, и хотя она прошла, в целом, успешно, но эти триста двадцать шесть человек не дают мне покоя. Они знают, скорее, чувствуют то, что не

чувствую я. И в этом я ощущаю угрозу для себя. Неведомое опасно, ты не понимаешь, как оно работает. И вторая причина, по которой я отпустил его, заключается в том, чтобы узнать это.

– Но как вы это узнаете? Нельзя же зайти в душу и посмотреть...

Инквизитор прикрыл глаза и попытался успокоиться.

– Как ты думаешь, – медленно произнёс старик, – почему пришёл Иисус?

– Чтобы попытаться забрать часть людей.

– Да он и так забирал их эти пятнадцать веков! Но почему он вновь появился на Земле? Лично! Что случилось? Полторы тысячи лет мы жили без него, но именем его постепенно повернули систему в нашу сторону, и вдруг он появляется. Именно сейчас. Зачем?

Ученик растерянно смотрел на Инквизитора, не зная, что сказать. Глаза Инквизитора сверкали.

– Ты думаешь, он не предвидел всё это, думаешь, он не знал про эти полпроцента? Я это знал, а уж он тем более. И если он решил явиться, то это может значить только одно. Он хочет совершить что-то столь значительное, что требует его личного присутствия. Он хочет показать людям Путь. Я не знаю, как он собирается это сделать, но я хочу это увидеть. Ибо тогда я узнаю тайну его вселенной. Смотри внимательно! Скоро начнётся битва за Севилью!

И ученику стало страшно.

БИТВА

Иисус с ушедшими расположились на возвышении, недалеко от площади, откуда они были хорошо видны. Он опустил голову и замер. Замерли люди вокруг него. Замерла площадь. Замерли птицы и деревья. Замер Инквизитор. Иисус ушёл в себя, оставаясь совершенно спокойным. Прошло время, никто не мог сказать сколько, для всех оно оставалось мигом, потому что время замерло тоже.

Иисус начал выпрямляться, и его руки плавно пошли вверх. Он выпрямил их у себя над головой и снова замер. Его глаза смотрели внутрь себя, но видели всё, что происходит вокруг. Некоторое время не происходило ничего, но вдруг в воздухе стало что-то проявляться, выстраиваться, и перед изумлёнными взорами появилась лестница, ведущая в небо.

– Лестница Якова! – закричал Инквизитор, но быстро взял себя в руки. – Так это был не сон! – сказал он, обращаясь то ли к ученику, стоявшему рядом, то ли к себе самому.

Лестница всё росла и росла, она уходила всё выше и поднялась уже до небес, но была чётко видна в каждой своей детали. Все решили, что сейчас Иисус и его люди будут подниматься, но Иисус снова замер.

– Как же ты велик, Спаситель, – подумал Инквизитор, – как неисповедимы замыслы твои. Но ты не один великий в этом мире, и ты это знаешь.

В этот момент люди услышали великий гром, как будто треснули небеса, и, к ужасу людей, небо стало распадаться на отдельные части. Сначала это казалось каким-то дефектом зрения, но потом всё явственней и явственней небеса трескались, как скорлупа изнутри, потом части стали съёживаться и постепенно растворяться в пустоте. Люди кричали, закрывая лица руками, думая о конце света. Инквизитора била мелкая дрожь, но он стоял, вцепившись в перила, не покидая своего места, и люди, глядя на него, старались

не потерять остатки рассудка. Небо стало чёрным, и только солнце, как ни в чём не бывало, сверкало в стороне, освещая действо.

Чернота над головой замерла на время, а потом в этой черноте стала постепенно вырисовываться самая величественная картина, которую когда-либо видели жители Земли. Сначала она стала наполняться белым светом, идущим из ничего, а потом этот свет стал делиться, крошиться, формироваться, и на небе выстроился бескрайний, бесконечно светлый, бесконечно разнообразный мир. Свет продолжал и продолжал делиться. Мир становилось всё больше и больше, пространство между ними заполнялось новыми мирами, они уходили в бескрайнюю глубину. Пространство стало объёмным и задышало. Люди видели появлявшиеся и исчезающие детали, и это было непонятно, как будто они видели не глазами – глазами такое увидеть было нельзя. Они видели прекрасные дворцы и строения, иногда вырисовывались люди, которые приветствовали их, бросая что-то по направлению к Земле, и тогда небо в этом кусочке вспыхивало удивительными красками. Вскоре и сами миры стали принимать различные цвета, у которых не было названий в земном языке, и небо превратилось в безмерный бриллиант, сверкающий бесчисленными неземными красками.

Люди, раздавленные величием происходящего, безмолвно наблюдали. Небесный бриллиант сверкал в полную мощь.

– Так это же Царствие небесное! – раздался чей-то крик.

«Спаситель пришёл забрать нас всех, а мы убоялись», «Идём за Иисусом», «Это иллюзия, это не Иисус», «Верните небо», «Мне страшно», «Мама, пойдём на небеса»... Площадь наполнилась невероятным волнением, криками, эмоциями.

Инквизитор с учениками стояли на трибуне, поглощённые происходящим. Инквизитор жадно, не отрываясь, впитывал открывшуюся картину. Он не замечал никого, глаза его сузились, он пронзал своим взглядом лестницу, потом стремительно переводил взгляд на сверкающий в небе бриллиант, потом неожиданно смотрел на Иисуса. Он видел явно больше того, что видели другие, и выглядел, несмотря на свой возраст, предельно живым и пытливым. Среди учеников его царили сумятица и безмолвие.

Толпа начала колебаться и постепенно стала двигаться в сторону Иисуса. Люди медленно потекли по направлению к лестнице Якова.

– Учитель, они уходят! – закричал ученик и вывел Инквизитора из транса, – они уходят, их не остановить!

Инквизитор резко обернулся.

– Да кто он такой, чтобы менять равновесие мира?

– Он же Иисус, учитель.

Инквизитор только криво усмехнулся.

Движение становилось всё ощутимее и уже превращалось в полноводную реку, но в этот момент гром, ещё страшнее предыдущего, остановил людей. Многие хватались за головы, падали на землю. Вместе со страшным громом в воздухе почувствовался ужас.

Все посмотрели наверх. Поначалу никто не заметил, что произошло. Но вскоре в разных местах небесного бриллианта стали появляться длинные трещины. Это казалось немыслимым, но светлый мир стал покрываться чёрной паутиной. Эти нити были тонкие, но было видно, как то в одном, то в другом месте через эти трещины во Вселенную впрыскивалось нечто стороннее, чуждое. Эта энергия проникала в поры светлого мира. И хотя она была незначительна относительно энергии бриллианта, но было видно, что она искривляла его лучи, ломала их, некоторые просто исчезали, гасли в этой темноте.

Инквизитор перестал дышать. Он понял, что появилось нечто большее, чем сама Вселенная. *«Это невозможно. Бесконечность больше бесконечности. Так вот откуда идёт моя защита. Но это же чуждо моему истоку!»* Он был растерян.

Дальше случилось страшное. Бриллиант стал сжиматься, он перестал занимать все небеса, и освободившееся пространство заполнилось Тьмой. Тьма пульсировала, дышала, этого не было видно, но ощущалось всеми. И Небеса оказались лишь частью её. Ужас, исходивший от неё, был непередаваем. Если от Небес исходило ощущение дома, начала всех начал, то во Тьме все ощущали своё небытие. Люди кричали и падали без чувств, не в силах совладать с этим ужасом.

Инквизитору было страшно. Он никогда не боялся смерти, был равнодушен к ней, потому что давно знал, что её нет, и вот впервые он понял, что смерть существует: полное уничтожение, распад, Небытие. Он не верил в это, но теперь она дышала ему в лицо. И в то же время каким-то невыносимым образом сейчас это было его защитой. Он посмотрел вокруг: людей качало, они падали, священники не сильно отличались от остальных. Вдруг он заметил, как один из священников улыбался. Инквизитор не мог поверить своим глазам. Отец Эдуардо! Он прибыл сюда буквально пару месяцев назад. Случайно? Надо будет подумать. А ведь он сильнее меня! Сильнее в чём?

– Послушайте все меня, – закричал он во весь голос, и крик его был услышан, – не бойтесь, дети мои, вы под защитой Господа нашего, с вами ничего не случится. Идите ко мне, я дам вам спокойствие, я укрою вас!

И люди приободрились. Поднимая и поддерживая друг друга, они развернулись и пошли к Инквизитору. Он поднял свои руки ладонями вниз.

– Не бойтесь, я дам вам защиту! Отец небесный не оставит нас. Смотрите на меня!

И люди смотрели, и им становилось легче. Они ещё дрожали и боялись поднять головы, но уже могли стоять на ногах.

Инквизитор посмотрел на небо. Мертвенная пульсация Тьмы не увеличивалась. Небеса, сжавшись, уже не уменьшались дальше и продолжали уверенно испускать сияние, которое местами менялось и поглощалось паутинами Тьмы. Он понял, что наступило равновесие. *«Это ведь тоже картинка, как и синее небо, – подумал он, – но, наверное, самая правдивая из виденных на Земле».* Инквизитор посмотрел в лагерь Иисуса и был ошеломлён. Люди стояли там, взявшись за руки, без криков, без падений и молились, глядя в Небеса. Иисус молился с ними, как равный.

«Как же велик Человек, – пронеслось у него в мыслях, – они устояли даже перед Небытием! А я хотел запугать их своими кострами, – он усмехнулся над собой, но потом посмотрел на тех, кто стоял под его руками. – Ну а что же делать со слабыми и убогими?»

Он посмотрел вверх. Ему показалось, что цвета начали меняться. Нет, действительно, всё стало постепенно бледнеть, принимать всё более неясные формы, тьма и свет начали затуманиваться, и вскоре однородный бледно-молочный свет заполнил всё пространство.

– Смотрите, смотрите! – закричал Инквизитор.

И те, кто мог, поднимали головы вверх и видели, как молочный кисель медленно становится голубым, как голубой цвет начинает принимать оттенки, как медленно, из ничего, на возродившемся небе появляются облака. Через некоторое время люди увидели, что они снова находятся в привычном для них мире, жёлтый пылающий диск солнца освещал прекрасное голубое небо, по которому плавно плыли бело-серые облака. Все

были к тому времени настолько потрясены и истощены, что могли только безмолвно наблюдать.

Инквизитор вдруг почувствовал себя опустошённым. У него не осталось ни чувств, ни сил. Он прикрыл глаза, но, вспомнив, резко повернулся в сторону Иисуса и усмехнулся. Как он и ожидал, там уже никого не было: ни Иисуса, ни тех, кто был с ним. Как всегда, никто не увидел, как Иисус делает самые важные вещи. Никто не знал, как он появлялся на Земле, никто не знал, как уходил.

Инквизитор постоял немного и стал медленно спускаться вниз. Люди падали перед ним и целовали его одежды, а у него уже не было ни сил, ни желания отгонять их. Вместе со своими учениками он отправился к монастырю. Молча прошествовали они через город, молча вошли в ворота монастыря и разошлись по своим кельям.

Инквизитор упал в кресло и без единой мысли смотрел перед собой. Потом заставил себя встать, подошёл к столу и взял кусок хлеба из корзины, накрытой материей. И только после того, как он откусил хлеб, чувства стали возвращаться к нему. Он жадно ел и не мог насытиться. Съев почти всё, что было, он не спеша сделал несколько больших глотков воды, с наслаждением ощущая, как влага охлаждает его, и к нему возвращается жизнь. Он вернулся и сел в кресло.

«А ведь ты сделал всё, что хотел, Иисус. Всё, как ты и говорил. Забрал сильных, дал толчок колеблющимся. Показал чудо, но только в одном месте. Через месяц об этом будет знать вся Испания, через полгода – вся Европа. Все будут знать, но мало кто поверит. Порядок вещей не изменится, но те, кто посильнее, сделают последний шаг к Небесным вратам и покажут пример тем, кто от этих врат далеко. Порядок не изменится, но всё придёт в новое движение от твоего импульса. Но сменится пара поколений, и всё вернётся на круги своя. Да и учёные к тому времени всё объяснят». При мысли об учёных Инквизитор затрясся от хохота. *«Да, эти всё объяснят. Они славные ребята, надо подкинуть им ещё денег».*

Он представил себе завтрашний день. Как же будут его обожать и боготворить, падать перед ним на колени, пытаться поймать его взгляд. Ведь сегодня он дал защиту им, беспомощным. Внезапно он вспомнил лагерь Иисуса, их спокойную, величественную молитву, и сердце его сжалось.

«Так что же делать со слабыми и убогими?! – он чуть не закричал об этом в голос. – Ты ведь так и не объяснил мне это, Иисус».

Часть 2

ПОСЛАННИКИ

Иисус снова покинул этот мир, но не покинул душу Инквизитора. С того невероятного, непостижимого дня, когда на короткое время Земля слилась с Небесами, когда исчезли иллюзии мира, а люди на краткий миг были поставлены перед выбором – поверить и уйти либо заколеться и остаться, – с того дня Инквизитор искал ответ на загадку, но не находил его. В Севилье, Испании и всей Европе происходило то, что он и ожидал: лишний раз он убеждался в предсказуемости людского поведения. Да, сейчас были дни его триумфа. Ужас пережитого был столь силён, что потрясение ещё господствовало над

людьми, и Инквизитор был спасителем, защитившим свою паству, не дрогнувшим, когда почти ни у кого не оставалось сил в ожидании конца света. Но он не обольщался по поводу дальнейшего. Он знал, что страх скоро спадёт, люди успокоятся, а когда они успокоятся, то начнут думать о тех, которые ушли. Да, их было немного, но если взять их семьи, родственников, то это уже несколько тысяч жителей. А если принять в расчёт их друзей, то получается... чуть ли не весь город. Удивительно, он не подумал об этом при разговоре с Иисусом, когда делал своё предложение. Оказалось, что пример даже небольшой горстки может произвести такой эффект.

Но ещё больше тревожило его другое. Святая церковь. Слава, которая постепенно распространялась о нём по всей Европе, не может не встревожить определённых людей. К счастью, он стар и не может быть никому конкурентом, но, тем не менее, само сравнение с ним подрывало авторитет многих. На него обращены взоры, его действия теперь в центре внимания. Ведь он, помимо всего, Великий Инквизитор. Вот тут и заключалась загадка, над которой он мучился. После всех этих событий у него внутри что-то произошло, поменялись ритм и направленность его души. То, к чему он привык за долгие годы успешного правления, просто ушло, перестало существовать. Он напрягал всю свою волю и разум, чтобы вернуться к прежнему, такому привычному и проверенному мышлению, но не мог. Его постоянная готовность к поиску врагов церкви, непрерывно горевшая раньше, потухла, потеряла смысл, и все попытки вернуть её не приносили результата. Более того, он не мог даже продолжать вести дела тех узников, которые попали в тюрьмы инквизиции до всех этих событий. Он отстранился от этих дел, хотя раньше держал всё и каждого под контролем. Следователи пока молчали, списывая его бездействие на испытанное глубокое потрясение, что было отчасти верным. Но Инквизитор чувствовал, что причина кроется гораздо глубже, пытался найти ответ, но не находил.

Стук в дверь прервал его размышления. В келью вошёл его помощник с довольной улыбкой. Инквизитор сразу понял, в чём дело.

- От кого теперь? – спросил он.
- От Совета пекарей, Ваше Преосвященство, прислали огромный торт с украшениями.
- Поблагодари их и попроси отнести на кухню.
- Они хотят вручить его вам лично.

Инквизитор встал. Надо пойти. Уже были подарки от гончаров – прекрасная ваза, выставленная в приёмном зале, от ювелиров – небольшой золотой иконостас, уже украшающий главный собор, в него была вставлена икона размышляющего Христа. Инквизитор не брал себе ничего, и это замечали все, что ещё больше увеличивало уважение к нему... Страх, связанный с его именем, заглушился от пережитого, и жизнь в Севилье как будто получила свежее дыхание. Инквизитор вышел к пекарям, и сердце его непроизвольно сжалось. Ведь раньше он был настолько равнодушен к толпам простолудинов. Что ему было до их мелких дел? Что были эти дела по сравнению с его великим построением Системы? Но сейчас он ощущал мягкую радость от этих искренних подарков, понимая, что это не лесть, а дань его заслуге. Инквизитор разозлился: *«Что этот хитрец Иисус сделал со мной? Кто дал ему право своей мощью разбить мою жизнь? Где я попался, не понимаю!»*

Инквизитор улыбнулся и, протянув руки, пошёл навстречу делегации. Глава Совета пекарей – крепкий, круглолицый, с роскошными усами человек – вышел вперёд с широкой улыбкой.

– Ваше Преосвященство, примите наш дар от благодарной паствы. Мы хотим присоединиться к единому порыву граждан Севильи и выразить признательность вам и Святой церкви в вашем лице, которая защитила своих детей, подставила плечо и была с нами, простыми гражданами, в момент конца света.

Пекарь крепко обнял Инквизитора, Инквизитор не мог не улыбнуться.

– Когда мы захотели сделать пирог, я спросил у стариков: «Какие пироги делали раньше в подарок церкви?», но никто не мог вспомнить о таких подарках. И тогда мы выбрали десять самых искусных мастеров и разработали этот рецепт, который занесён теперь в Золотую книгу нашего Совета, чтобы и в будущем наши потомки могли бы его воссоздать и ощутить ту радость, что ощутили мы. Потому что, – пекарь широко улыбнулся, – мы немного согрешили перед церковью (Инквизитор вздрогнул), – мы сделали такой же пирог поменьше, и попотчевались им на Совете, без жён и детей, сами!

Вся делегация захохотала, Инквизитор тоже не мог сдержать смех. Успокоившись, он сказал:

– Дети мои! Мы прошли через трудное испытание для нас всех и вышли из него достойно. Теперь нет сомнения в правильности пути, по которому ведёт Святая церковь свою паству. Сейчас мы все должны осмыслить произошедшее, жизнь должна войти в свою колею, и мы продолжим наш путь защиты чистоты церкви, учения нашего Господа, ибо в чистоте своей мы сильны и...

Он осёкся, увидев, как непроизвольно вытянулись лица и округлились глаза при его словах: он увидел в них банальный страх.

– ...и я очень благодарен вам за этот искуснейший пирог, которым может гордиться вся Севилья!

Все опять засмеялись, закивали головами, но напряжение, посеянное его словами, не исчезло. Делегация ушла, монахи поставили огромный пирог на тележку и покатали его на кухню. Инквизитор остался стоять. Он задумался не только над страхом, волной прошедшим по лицам людей, но и над словами пекаря, что даже старики не помнили, когда выпекался подарок для церкви. Он родился в Севилье, уехал и вернулся более сорока лет назад, но тоже не помнил этого.

Инквизитор пришёл на обед и был встречен одобрительным гулом монахов и их улыбками. Все предвкушали сладкий стол: слава о севильских пекарях шла по всей Испании, их блюда были известны даже при дворе короля, и никто не сомневался в изысканном вкусе пирога. Инквизитор шёл по проходу, слегка кланяясь всем, улыбаясь. Хотя он и был аскетом многие годы, но тоже мог оценить настоящий вкус еды. Делая поклоны направо и налево и продвигаясь к своему месту во главе стола, он внезапно ощутил обжигающий холодный взгляд одного из монахов. Что это? Инквизитор чуть задержался и быстро взглянул в его сторону. Ну конечно, отец Эдуардо! Он улыбался во весь рот, но это была скорее улыбка хищника в засаде, уверенного в своей силе и успехе. Не подавая виду, Инквизитор продолжил свой путь. Трапеза прошла в приподнятом настроении, оживлённо, чему способствовало и хорошее вино. Споры и разногласия были временно забыты. Со всех сторон были слышны громкие разговоры. Люди подходили к нему, он отвечал на их вопросы и наблюдал за окружающими его монахами. Интересно, что самыми активными были его помощники по инквизиции, в них явно было больше уверенности и внешней силы. Инквизитор наблюдал за ними: кто-нибудь ещё ощутил перемены после встречи с Иисусом? Внешне этого не было видно, но ведь и он сам тоже не подаёт виду. Он смотрел на них и чувствовал, как их природа требует действия.

Сколько они будут терпеть паузу, пока не начнут роптать? Его взгляд периодически переключался на отца Эдуардо, который, принимая участие в общении, всё время посматривал на Инквизитора. В какой-то момент их взгляды встретились. Эдуардо широко заулыбался и, не отрываясь, смотрел на Инквизитора, который расслабленно облокотился на спинку кресла и, не отводя взгляда, без эмоций, пристально смотрел на Эдуардо.

Примерно через месяц из Мадрида пришли вести. Их доставили два посланника кардинала. Это были отец Хорхе, помощник кардинала по внутренним делам, его старый друг, и отец Пабло – этого он видел в первый раз, но лицо ему сразу не понравилось: оно выражало сытость, преданность, уверенность в своём положении.

Отец Хорхе кашлянул и начал разговор:

– Ваше Преосвященство, прежде всего я хочу передать вам привет от Его Святейшества кардинала. Его сердце переполняет восхищение вами и вашим поведением во время этих событий. Авторитет Церкви возрос многократно. Честно говоря, – он доверительно улыбнулся, – в Мадриде только и говорят о том, что произошло, хотя толком ничего не понимают. Всё полнится слухами.

Отец Хорхе сделал паузу, посмотрев на Инквизитора, чьё аскетичное лицо оставалось бесстрастным.

– Я благодарен Его Святейшеству за эти слова. Всю свою жизнь я посвятил Святой церкви. Я вёл за собой людей ради её блага, следил за чистотой учения. То, что произошло, было проверкой, и мы эту проверку достойно прошли.

Возникла небольшая пауза. *«Зачем же они приехали?»* Тут отец Пабло вступил в разговор. Он расплылся в сладкой улыбке.

– Вне всяких сомнений, монсеньор. Ваши действия заслуживают высочайшей оценки. Никто не может даже представить кого-либо, кто лучше вас справился бы со случившимся... (пауза), но жизнь продолжается. Мы должны разобраться, что произошло и что делать дальше.

«Так-так, вот оно началось», – подумал Инквизитор.

– Его Святейшество заметил, что после повторного ухода Господа нашего деятельность Вашего Преосвященства приостановилась. И некоторые дела, которые особенно интересуют епископат, застыли. Люди не могут получить никакого вердикта, пребывают в заточении, а часть их, возможно, невиновна. Это не может не вызвать обеспокоенности у Его Святейшества кардинала. Он ни в коем случае не хочет навязывать вам какие-либо решения, понимая, что вам на месте лучше понятны ситуация и настроения людей. Но Его Святейшество, будучи ответственным за всю паству Испанского королевства, хотел бы лично для себя прояснить ситуацию, понять, что происходит. Кроме того, Его Святейшество был бы чрезвычайно польщён услышать от вас лично рассказ о произошедшем во всех подробностях.

Инквизитор бесстрастно продолжал слушать. После некоторого молчания, не дождавшись его ответа, отец Пабло продолжил, его голос звучал мягко и неторопливо:

– Ваше Преосвященство, учитывая всю деликатность ситуации, не могли бы вы передать часть дел севильской инквизиции в руки ваших коллег в Мадриде? – Инквизитор слегка вздрогнул. – Его Святейшество подготовил небольшой список людей, которыми он интересуется лично, – на последнем слове отец Пабло сделал мягкое ударение.

Он передал запечатанный конверт Инквизитору. Помощник подскочил, взял конверт и с поклоном передал его. Инквизитор прервал затянувшееся молчание.

– Сеньоры, я очень тронут желанием кардинала увидеться со мной. Каждая такая встреча оставляет во мне неизгладимый отпечаток. Я должен подумать, когда и как осуществить эту встречу. Я также изучу как можно быстрее личное послание Его Святейшества. А сейчас я прошу вас отдохнуть, поездка была непростая, почувствуйте себя как дома, со всеми вопросами обращайтесь к Сержио, – он кивнул на своего помощника.

Раскланявшись, гости покинули приёмный зал. Инквизитор постоял пару минут, из бокового отделения вышел монах. Они посмотрели друг другу в глаза. Инквизитор кивнул, монах поклонился и молча ушёл.

Инквизитор сидел в своей келье и размышлял. *«Кардинал хочет меня видеть – в этом, конечно, нет ничего подозрительного. Прошло время, пока новости дошли до Мадрида, пока они проверили их в разных источниках, чтобы убедиться, что моё послание было не посланием сумасшедшего, а теперь их распирает бешеное любопытство. Надо отдать должное кардиналу, даже в этот момент он хочет сохранить своё величие, он не примчался сам при первом же известии, не приехал и потом – послал своего заместителя и этого Пабло (неприятный тип, кто он такой на самом деле?), – Инквизитор усмехнулся. – Они даже понятия не имеют, что здесь произошло, поэтому такие спокойные. Но даже через столь короткий срок они уже знают, что суды застопорились. У них хорошие источники информации. И что это за столь важный список, что кардинал не может подождать немного? – он взял конверт, чтобы вскрыть его, но остановился. – Если я узнаю имена людей, интересующих кардинала, то я узнаю много и о самом кардинале. Кардинал это знает и всё равно открывается, – он покачал головой и отложил конверт в сторону. – Не будем торопиться. Так зачем же он зовёт меня? Это искренний интерес или что-то большее? Что может случиться, если я уеду из Севильи?»* В последнее время его уверенность в незыблемости своей власти слегка поколебалась. Народ, конечно, ликует с его именем на устах, но дела в церкви делаются тихо и не на площадях. А в случае ропота им напомнят о том, что он делал раньше, и ропот утихнет.

Инквизитор колебался и не мог прийти к какому бы то ни было решению. В это время стук в дверь вывел его из раздумий. Вошёл монах и сказал, что отец Хорхе очень просит о встрече. Инквизитор улыбнулся. Наконец-то! Разве мог Хорхе отдыхать, не выпытав у меня всё, что можно. Он встал и попросил впустить его. Отец Хорхе вошёл с улыбкой на устах и протянул руки навстречу Инквизитору. Они крепко обнялись и застыли, изучая друг друга.

– Мы не виделись почти два года. Сколько всего произошло за это время?! – улыбаясь, произнёс Хорхе.

– Ну, главное, что ты впервые приехал без своей племянницы, – улыбнулся в ответ Инквизитор.

Отец Хорхе рассмеялся.

– О да, главные вещи ты замечаешь сразу. Круговорот жизни изменить нельзя, моя любимая Марта вышла замуж, и её новый статус, увы, не позволяет ей путешествовать в одиночку.

– Жаль, её любопытство всегда доставляло мне огромное удовольствие. Мне будет не хватать её живых глаз. Надеюсь, она выбрала достойного мужа.

Лицо Хорхе стало серьёзным.

– Хуан, не томите меня. У меня нет времени на обсуждение посторонних дел. Я прошу вас рассказать мне во всех подробностях, что произошло у вас в Севилье. Слухи таковы, что мне иногда кажется, что дьявол наслал коллективное безумие на город.

Инквизитор положил ему руки на плечи.

– Не спешите с выводами, дорогой Хорхе. Сейчас я утолю ваше любопытство.

Инквизитор стал в подробностях рассказывать о событиях двух безумных дней. Прикрыв глаза, он пытался не упустить ни одной, даже самой маленькой, детали. Было видно, что ему это даётся нелегко. Хорхе заметил, что при передаче разговора с Иисусом у Инквизитора заблестели глаза. По ходу рассказа лицо Хорхе бледнело всё больше и больше, глаза буквально впивались в Инквизитора. Дослушав до конца, он смотрел на Инквизитора, не в силах вымолвить ни слова.

– Так это не безумие, – только и смог он произнести через некоторое время, – я слышал подобные пересказы, но не мог поверить в них. Боже мой! Второе пришествие! Кто бы мог в это поверить? Но зачем, Хуан, как ты думаешь, зачем он это сделал?

– Рано ещё делать выводы, – уклончиво ответил Инквизитор. Потом посмотрел на Хорхе и придвинул кресло вплотную к нему. – Я думаю, Господь хотел придать новый импульс своему делу. Я думаю, Он хотел своим поведением и поведением тех, кто ушёл с Ним, сказать что-то нам. Господь не морализует, но своими действиями пытается изменить нашу мораль, скорректировать её.

Лицо Хорхе стало ещё бледнее. Он хотел что-то спросить, но, кажется, будто боялся произнести это вслух.

– Хуан, вы удостоились невиданной за последние полторы тысячи лет милости общаться с Иисусом. А ведь Он неспроста выбрал именно вас и ваш город.

Инквизитор приоткрыл глаза и почти испуганно посмотрел на Хорхе.

– Я, признаться, не думал об этом, но это, безусловно, стоит сделать. Спасибо, Хорхе.

Хорхе взял руки Инквизитора в свои.

– Хуан, прошу тебя, Расскажи мне свои личные впечатления о Нём. Каков Он в облике человека?

Инквизитор задумался.

– Он очень прост, но при этом велик в каждое мгновение. Он умеет молчать, но когда начинает говорить, противостоять Ему невозможно, потому что Он видит дальше и глубже нашего порочного мышления. Его движения неторопливы, но когда Он идёт, всё вокруг замирает, потому что люди ощущают Его непостижимость. Он не смеётся и почти не улыбается, ибо видит и ощущает всем своим существом бесчисленные грехи наши. Наверное, Он знает, куда эти грехи приведут нас в будущем. Он высок, статен, красив.

Голос Инквизитора внезапно задрожал, и слёзы потекли из его глаз.

– Хорхе, – сказал он сдавленным голосом, – я не могу, – он сжал руки, пытаясь справиться с волнением, – я не могу забыть Его глаза. Я беседовал с Ним около часа, это непосильная ноша для смертного. Я понимал каждое Его слово и каждую Его мысль, но... но за этим происходило что-то ещё, нечто невидимое, что приводило меня в дрожь. Эти плоды я пожинаю до сих пор.

Хорхе вцепился в ручки кресла и, не отрываясь, смотрел на Инквизитора. Инквизитор придвинулся ближе, почти вплотную к Хорхе.

– Я знаю, что ты хочешь спросить, друг мой, но боишься произнести это. На какие изменения намекал нам Иисус? Я сам размышлял над этим, и твоя мысль о неслучайности

Его выбора стала как бы последней каплей в моём понимании, – он закрыл глаза и полушёпотом произнёс: – Для спасения Церкви мы должны отменить инквизицию.

Хорхе закрыл глаза и до предела сжал губы. Костяшки его пальцев побелели. Воцарилось молчание.

– Мы служили не тому хозяину, Хорхе, – снова заговорил Инквизитор. – Не потому, что мы глупы, а потому что каким-то образом потеряли наши истинные чувства. Я знаю, как это произошло со мной, но я не понимаю, как это произошло со всеми. Я не понимаю, как Господь допустил это. Я бы очень хотел спросить Его об этом, но уже поздно, – он немного подумал. – У меня есть и ещё вопросы, но, видно, отвечать на них мне надо самому.

Хорхе с трудом поднялся с кресла, Инквизитор молча встал вслед за ним. Они обнялись.

– Спасибо тебе за откровенность, друг мой, – произнёс Хорхе, – ты воистину велик.

– Хорхе, кто такой Пабло? – резко спросил Инквизитор. Хорхе ухмыльнулся.

– Его Святейшество слегка изменился за последнее время, и я уже не его ближайший помощник. Он стал более нетерпимым и подозрительным. Он окружает себя, как ему кажется, абсолютно преданными людьми, но за преданность он принимает внешнее согласие со всеми его действиями. Количество этих «преданных» стало таким, что он уже теряет контроль над ситуацией. Пабло появился недавно в его окружении, он племянник одного из членов мадридского суда, но его влияние усиливается очень быстро. Он умён, и поэтому его лесть особенно опасна. Зачем он приехал со мной – я и сам не знаю. Мы, старая гвардия, – он усмехнулся, – сопротивляемся этому как можем, но наши силы уже не так велики, как раньше, – он помолчал. – Нелегко жить в Мадриде. Если бы можно было перейти помощником к тебе, я бы не задумываясь сделал это, но... я думаю, что скоро изменения коснутся и Севильи.

Они снова обнялись.

– Я пойду отдохну, друг мой, – сказал Хорхе и, поклонившись, вышел из зала.

Инквизитор застыл в раздумьях, потом поспешил в свою келью. Через некоторое время к нему зашёл монах, тот самый, с которым они обменялись взглядами после первой встречи с посланниками. Он поклонился.

– Ну? – спросил Инквизитор.

– Да, – ответил монах.

– Пабло?

– Да.

– Эдуардо?

– Да.

– Сколько длилась встреча?

– Около часа, монсеньор, отец Пабло вышел очень довольным.

– Спасибо, Христо, можешь идти отдыхать.

Они встретились на следующий день на общем монастырском завтраке. Сидя рядом, никто из троих не посмотрел друг на друга, каждый был погружён в свои мысли. Впрочем, в конце завтрака Пабло поднял голову, заулыбался, стал нахваливать монастырскую еду. Инквизитор заметил, что он ни разу не посмотрел на него, и усмехнулся про себя. Закончив трапезу, они уединились втроём в небольшой комнате. Пабло ждал, когда заговорит Инквизитор, но, не дождавшись, начал первым.

– Каков же ответ Вашего Преосвященства, – его губы растянулись в привычной сладкой улыбке, – когда ждать вас в Мадриде, кого из списка Его Святейшества мы можем забрать с собой?

Отец Хорхе бросил быстрый взгляд на Инквизитора. Тот помолчал, глядя перед собой, затем скрестил руки и, посмотрев пристально на Пабло, тихо начал своим твёрдым голосом.

– Уважаемый отец Пабло, признаюсь, ваш визит застал меня немного врасплох, ведь прошло столь мало времени, страсти до сих пор не утихли, жизнь ещё не вошла в своё русло. Мы внимательно следим за тем, что происходит в Севилье, что говорят, что думают в городе. Наши люди находятся везде, я получаю информацию и вижу, что город всё ещё бурлит. Сейчас, в дни нашего триумфа, еретики смолкли, но истинная картина будет ясна, когда люди окончательно успокоятся, а это может произойти в самое ближайшее время. Надеюсь, вы поймёте правильно и примите сердцем мой ответ: я не могу сейчас оставить Севилью.

Пабло откинулся на спинку кресла и растерянно посмотрел на Инквизитора. Такого ответа он никак не ожидал, глаза его забегали, какие-то планы его ломались и надо было срочно исправлять ситуацию.

– Но ведь это личная просьба кардинала, – интонации его голоса усилились. – Его Святейшество так хочет услышать именно из ваших уст описание событий, он даже нам запретил разговаривать с вами, пока сам не поймёт картину происшедшего, – на губах Хорхе мелькнула улыбка.

– Я понимаю, я понимаю, отец Пабло, но ведь я уже старик, мне не так просто отправиться в столь нелёгкий путь. Вам, молодым, этого не понять, – он усмехнулся, но Пабло ему не ответил, – и, кроме того, если кардинал так хочет всё узнать, что может помешать Его Святейшеству лично прибыть в наш славный город и поговорить со мной?

Глаза Пабло немного расширились.

– Так и передать кардиналу? – как бы не веря своим ушам переспросил он.

– Передайте кардиналу, что после огромного напряжения, пережитого столь недавно, моё здоровье не позволяет мне приехать в Мадрид. Я также не могу сейчас оставить город в силу изложенных выше причин.

Пабло помолчал, но не нашёлся, что ответить, он был явно разочарован.

– Ну что ж, – произнёс он после тягостного молчания, – я передам кардиналу ваше послание и искренне надеюсь, что он примет его и поймёт, – Пабло уже взял себя в руки и принял ситуацию, он опять заулыбался. – Ну а что же с его личной просьбой?

Инквизитор вынул из сутаны конверт и протянул его Пабло. Тут улыбка уже окончательно сошла с его лица. Конверт не был вскрыт. От недоумения и возмущения он не мог ничего сказать, но Инквизитор молчал, внимательно и с интересом наблюдая за ним.

– Как это понимать? – пришёл в себя Пабло, и, повысив голос, произнёс: – Вы понимаете, что речь идёт об очень личной просьбе?! – он опять замолчал, его миссия рушилась окончательно.

– Пабло, вы очень молоды и ещё не знаете всех традиций инквизиции, но я могу вам напомнить, что никогда заключённые Севильи не передавались в чужие руки. Именно здесь, в Севилье, мы знаем об их делах, именно здесь находятся все свидетели, именно здесь можно правильно оценить действия обвиняемых и их значение для города. Вы же сами говорили, сколь важен для кардинала справедливый суд, и настоящую

справедливость заключённые могут получить только в Севилье, – Инквизитор говорил твёрдо и монотонно, чеканя слова и не отводя взгляд.

Отец Хорхе с восхищением смотрел на него со стороны. Пабло побледнел.

– Его Святейшество будет крайне разочарован таким ответом. Я прошу ещё раз обдумать ваше решение. Ведь это же просьба кардинала Испании! – его голос чуть не сорвался на крик, лицо стало наливаясь краской.

– При всём моём уважении, – тем же тоном продолжил Инквизитор, – я хочу напомнить, что должность мне дарована королём Испании, и прежде всего перед ним я несу ответственность. Надеюсь, и кардинал тоже.

– Но вы даже не вскрыли конверт, хотя бы вскройте его, проявите уважение!

– А вот это мне непонятно, Пабло. Вы так хотите, чтобы я узнал об интересах кардинала? Вы так хотите, чтобы я узнал нечто о кардинале, даже зная, что не смогу удовлетворить его просьбу? Может, вы просто скажете мне об этом? Что вы хотите, чтобы я узнал?

Пабло подскочил. Хорхе тоже приподнялся. Пабло молча наклонил голову и вышел из комнаты. Хорхе подошёл к Инквизитору.

– Хуан, возможно, мы видимся в последний раз.

– Всё имеет своё начало и свой конец, – улыбнулся Инквизитор. – Наши отношения подходят к концу, а у твоей племянницы только начало. Колесо времени не остановишь.

– Я поражаюсь твоей способности до последних дней иметь столь гибкое мышление и ставить новые задачи. Я не понимаю, что ты задумал, возможно, и ты тоже ещё не понимаешь, но желаю тебе найти решение. Если смогу помочь тебе, я пошлю весточку.

– Спасибо, друг.

Они положили руки на плечи друг другу. У Хорхе заблестели глаза. Он вышел из зала, оставив Инквизитора одного.

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Инквизитор прогуливался после вечерней службы. Духота в это время спадала, монахи расходились по кельям, лишь птица иногда пролетала, почти бесшумно хлопая крыльями. Сумерки несли особое состояние, всё вокруг затихало и успокаивалось, но ещё не спало. В это время хорошо думалось. Инквизитор настраивался на сумерки, и даже походка его становилась другой, медленнее, мягче, он будто сливался с землёй.

«Итак, сколько у меня есть времени? Пара месяцев, может даже меньше. Не так уж и мало. Я должен разобраться в себе и что-то решить. Но что? Этого я пока не знаю. Пабло, конечно, взбешён, но кардинал не любит спешить. Он этого, разумеется, не забудет, но пока не происходит ничего экстраординарного или несущего ему угрозу, он торопиться не будет. Хорошо было бы знать, Пабло встречался с Эдуардо по своей инициативе или по просьбе кардинала? Скорее всего, по своей. Кардиналу нужно моё имя, особенно сейчас, но я стар и не представляю для него угрозы. Нет, это Пабло. Что же он хочет? Наверное, заменить меня. Эдуардо, конечно, неопытен, но у него хорошие связи и репутация сильной личности. Он воевал, спас жизнь сыну герцога, бесстрашен, безжалостен, пожалуй, слишком безжалостен. У него нет внутреннего равновесия, он слишком прямолинеен. Конечно, работе Инквизитора жалость – помеха, но даже в этой работе надо знать границу, а у Эдуардо её нет. Да, он опасен. Христо сказал, что Пабло вышел очень довольным после встречи – похоже, что они уже что-то решили».

Инквизитор резко остановился, раздумывая о чём-то, потом оглянулся – вокруг никого не было – и быстро пошёл к боковой стене. Дойдя до определённого места, обернувшись по дороге несколько раз, он снова посмотрел по сторонам, потом нажал на какую-то точку в стене и прижался к ней плечом. Часть стены выдвинулась наружу. Он быстро вышел, прижал стену обратно, огляделся и быстрым шагом пошёл по улице. Прошагав минут пятнадцать, он остановился и постучал в дом особым ритмом. Район, где он находился, был не из богатых, но сам дом был добротен и ухожен. Вышел хозяин дома – крепкий, высокий мужик. Его улыбка засветилась даже в темноте.

– Сеньор, какая честь, мы так давно не виделись, что я уже и не надеялся! Всё-таки возраст у вас такой, что никогда не знаешь, проснёшься утром или нет, – он приглушённо, но искренне засмеялся, – извините, монсеньор, шутка не очень удачная.

– За это я тебя и ценю, Грандо, – улыбнулся Инквизитор. – Я рад видеть тебя в здравии и с прежним чувством юмора. Как Люси и твои мальчики? Надеюсь, их отец может ими гордиться?

– Монсеньор, разве я похож на испанца, у которого могут вырасти сыновья, которыми не будет гордиться их отец? – он перешёл на бас.

Инквизитор тихо засмеялся.

– О, Грандо, как бы я хотел сесть и выпить с тобой вина, как в старые добрые времена. Но... как сказал один мой знакомый мудрец, ход времени ускоряется. Так что некоторые детали жизни приходится опускать, чтобы преуспеть в главном.

– Да уж, – пробасил Грандо.

– Грандо, скажи мне, ты всё ещё так же силен и хитёр? Готов ли ты оказать мне одну услугу?

– О чём речь, Хуан, я только тогда и ощущаю себя важной персоной, когда оказываю вам услуги.

– Ты знаешь монаха отца Эдуардо? Он у нас несколько месяцев. Средних лет, крепкий, наглый, готов на многое. Он очень отличается от всех, кого я знаю. Он смеётся, когда другие падают на колени, он не боится смерти, он воевал в отряде герцога Альбы на войне в Гранаде. Он опасен. Успел обрести связями и в Севилье, и в Мадриде. Что скажешь? У тебя ведь мальчики.

– Я скажу, что не прощу себе, если пропущу такую возможность, – не задумываясь произнёс Грандо и напряжился, – каким бы умным он ни был, против коренных севильцев ему не устоять.

– Узнай о нём всё: с кем общается, к кому ходит, его поведение, привычки, слабости.

– О да, монсеньор, я привлеку моих самых лучших помощников. У них ведь уже тоже подросли мальчишки, – он весело улыбнулся, – никто ничего не заметит.

– Я надеюсь на тебя, Грандо. Это, скорее всего, моё последнее поручение тебе, у меня мало времени, и надо успеть завершить дела, – он протянул мешочек с деньгами. Грандо поклонился.

– Спасибо, монсеньор. Я хочу сказать, что оказываю услугу не только Великому Инквизитору, но и просто Хуану, моему другу. После того, что недавно произошло, я горжусь Хуаном ещё больше, вся Севилья только и говорит о вас.

Инквизитор, уже собравшийся уходить, остановился.

– И только? А о тех, кто ушёл с Ним, не говорят?

Грандо опустил голову.

– Об этом пока не хотят говорить, сразу замолкают. Но, – он усмехнулся, – замолкают всё чаще и чаще.

– Они боятся меня, им стыдно за себя, но скоро их набожные души захотят ответа, объяснений, и этого не остановить.

– Ваше Преосвященство умеет остановить любого, – ухмыльнулся Грандо, но Инквизитор только странно посмотрел на него.

– Спасибо, Грандо, через две недели встретимся.

Они тихо разошлись. Инквизитор попал в монастырь тем же способом и бесшумно вошёл в свою келью. Он устало повалился в кресло. *«Всё-таки я уже стар»*, – подумал он, но в следующее мгновение насторожился. В соседней комнате послышался небольшой шум. *«Надо закрыть дверь»*. Он не делал этого уже много лет, но ноги сейчас не слушались. Когда он собрался с духом и решил встать, дверь открылась, и вошёл тот, кого он никак не ожидал так скоро увидеть и опасался больше всего. Отец Эдуардо.

– А и вправду говорят, что вы не закрываете дверь, – сказал он вместо приветствия и широко улыбнулся.

Инквизитор дёрнул правой рукой, но остался сидеть в кресле.

– Не дёргайтесь, Ваше Преосвященство, в такое время, в таком возрасте надо отдыхать. Кстати, а почему вы ещё не спите? Я не учёл старческую бессонницу, – он тихо засмеялся, – но это ничего не значит. Я не привык менять планы. Если усложняются обстоятельства, это даже больший вызов, – он, не переставая улыбаться, смотрел Инквизитору в глаза.

– Что вы хотите, Эдуардо?

– Что я хочу? То есть какова цель моего столь позднего визита? Гм-м, мне даже неудобно говорить об этом вслух. Могу сказать, что разговоры не входили в мои планы. Ну, вы понимаете, – он сделал шаг к креслу. Инквизитор немного выпрямил спину, неотрывно следя за Эдуардо.

– И зачем вам это нужно?

– Просто ваше время ушло, а моё пришло, – ещё шире улыбнулся Эдуардо. – Я призван занять ваше место.

– По какому праву?

– По праву более сильного.

– Но ведь мы не звери, Эдуардо, не всё у людей решается силой.

Эдуардо засмеялся.

– Это вы скажите тем еретикам, которых вы сожгли. Конечно, мы не звери, как можно подумать об этом, но законы у нас те же. Только мы проводим их лучше, последовательней. Для этого нам и дан разум.

– Эдуардо, вы хоть немного верите в Спасителя?

– Ну, конечно, как же я могу не верить, ведь я видел его. Как можно не верить своим глазам? Но как радостно было видеть, что есть сила выше него. Значит, есть куда стремиться.

– И вам не было страшно, что наш мир может быть разрушен, вы не чувствовали чуждые энергии, которые проникали в вас, не ощущали ужаса?

– Нет, – Эдуардо пожал плечами, – этим я и исключителен, этим я и отличаюсь от прочих, я убедился в этом, и мне было радостно. А ведь даже вы боялись, монсеньор, я видел это, – он заулыбался, – но вы держались молодцом, справились. Да не усложняйте вы, всё гораздо проще. Всё решает сила и разум, который служит силе. Сильный побеждает, вот и всё!

– Почему вы так думаете?

– Я так чувствую, об этом говорит весь мой опыт.

– Сила – понятие широкое, Эдуардо. То, что вы имеете в виду, – это лишь грубая физическая сила. Не только мышцы и разум делают человека сильным, но и уважение к мудрецам, восторг перед природой, прекрасными зданиями, любовь к матери, в конце концов.

– Уважение – да, я уважал тех, кто сильнее меня, учился у них. Любовь к матери... – он поморщился. – Я думаю, в этом и проблема людей, они слишком разбросаны, они не могут сосредоточиться и направить все силы на одну, главную цель. В этом их слабость и против меня им не выстоять.

– А вы не боитесь осознать, что это ваш ум обрезан, и из-за этого вы не способны прочувствовать то, что ощущает самый обычный простолудин?

Эдуардо задумался, но вскоре рассмеялся.

– А вы хитрец, монсеньор, используете свой интеллект, чтобы отвлечь меня от моей цели. Вот видите, как разум делает человека сильнее. И если кто-либо мечется в своём уме, не идёт к одной цели, страдает, – он хохотнул, – того вы, конечно, сможете остановить. Ну, хватит, – улыбка сошла с его лица, в глазах сверкнула дьявольская твёрдость, – нельзя избежать неизбежного.

– Надо только понять, что такое неизбежность, – твёрдо сказал Инквизитор.

– Хватит болтать.

Эдуардо решительно направился к креслу Инквизитора, навалился на него, руки рванулись к горлу, но застыли в нескольких сантиметрах от него. Его глаза выкатились от удивления, и он медленно стал отодвигаться назад. Инквизитор, наоборот, медленно поднимался с кресла, не приближаясь и не удаляясь от Эдуардо. Инквизитор встал, Эдуардо скосил глаза и увидел, как острый, длинный нож в правой руке Инквизитора упирается ему горло, находясь в мгновении от того, чтобы проткнуть его. Они постояли так несколько секунд, оценивая друг друга, остриё вдавливалось всё глубже и глубже. Эдуардо поморщился от боли и отскочил назад. Капельки крови капали на пол, и он прижал раненое место рукой. С нескрываемым удивлением он смотрел на Инквизитора. Несколько секунд ему потребовалось, чтобы рассмеяться.

– А вы действительно великий, Великий Инквизитор, я заужавал вас. Даже в таких летах вы держите всё под контролем. Вы, наверное, даже Иисуса держали под контролем, когда разрешили ему его действие. Bravo, bravo! Но я всё равно должен закончить дело, у меня нет выхода, иначе завтра ваши друзья покончат со мной.

– А вы не подумали, почему я здесь, прямо сейчас не покончил с вами? – Эдуардо задумался. – Вы можете попытаться закончить своё дело, но предупреждаю: этот нож с лёгкостью прорезает любую сутану, а искусству владения ножом я обучался у его создателя. Стоит ли рисковать? Я обещаю, если вы уйдёте, завтра с вами ничего не случится.

– Но, – недоумение Эдуардо возрастало, – что вы задумали?

– Возможно, вы понадобится мне вскоре.

– Вскоре вам может ничего не понадобится.

– Эдуардо, Пабло далеко не всё решает. Времени у меня предостаточно.

От нового удара Эдуардо даже приоткрыл рот, но вскоре опять улыбнулся.

– Да, вы действительно великий, я уже не хочу убивать вас, я должен поучиться у вас умению всё знать и предвидеть.

- Возможно, скоро это у вас получится.
- Я не понимаю.
- Как же так, вы говорили, что всё так просто.
- Всё действительно просто, просто я вас не понимаю. Так сегодня у нас ничья?

Инквизитор усмехнулся.

– Эдуардо, я привык, что жизнь идёт по моему сценарию, и по этому сценарию я сегодня дарю вам ничью.

В душе Эдуардо забурлило от такого унижения. Он стоял, не в силах ни сдвинуться с места, ни сказать что-либо. Но он смог совладать с собой, поклонился и вышел из кельи. Улыбаться сил у него уже не было.

АСКЕЗА

Прошло два дня, внешне ничего не изменилось. Инквизитор, правда, стал закрывать свою дверь на ночь, Эдуардо перестал улыбаться, ходил насупленный, как будто всё время пребывал в размышлениях. На второй день он подошёл к Инквизитору и попросил встречу. Тот взглянул на него, оценивая причину (есть новые сведения или любопытство?), и отказал. «Ещё не время», – сказал он. Но эта просьба подстегнула его к более интенсивным поискам выхода. Он понял, что его единственная надежда – это уединение и пост. Это всегда ему помогало в ситуациях, которые, казалось бы, не имеют решения. Правда, он не постился уже несколько лет, кроме принятых церковных постов, был всё время занят, да и система, построенная им, функционировала без сбоев. И вот теперь была та ситуация, когда без этого не обойтись.

Он позвал Христо и сказал ему о своём решении: он уходит на неделю в затворничество. Христо выглядел обеспокоенным: они знали друг друга уже много лет, и он помнил, с каким самозабвением предаётся Инквизитор постам. Он доводил себя почти до полного изнеможения в поисках ответов. Ответы он, как правило, находил, но сейчас Христо опасался за здоровье Инквизитора, учитывая его нынешний возраст. Инквизитор улыбнулся в ответ на высказанную тревогу. Другого выхода у него не было.

На следующий день, передав Христо все ключи и печати, дав некоторые указания, он пошёл в дальнее здание монастыря и заперся в маленькой часовенке. Через узкое окошко в двери ему давали еду: хлеб и воду, немного фруктов утром и под вечер кашу. Кровать, стул, небольшой круглый стол, маленький иконостас для молитв – вот и вся обстановка. Окошко под потолком и два витража в боковых стенах пропускали свет. Стены часовни были толстые, и, захлопнув дверь, Инквизитор сразу ощутил оглушающую тишину. Он замер с закрытыми глазами, сливаясь с ней, и когда она проникла в него, медленно, почти плывя, подошёл к иконостасу с распятым Христом посередине, стал на колени и начал молиться. Слегка раскачиваясь в такт молитве, он делал это всё истовее и истовее. Он ощущал, что молитва идёт правильно, сливаясь с его телом и посылая зов дальше. Мысли исчезли, остались только слова молитвы и страстное желание получить ответ. Он остановился, только когда окошко приоткрылось, издав металлический скрип. Тогда он почувствовал голод, а после еды – усталость, и сразу же уснул.

Поев утром и выпив горячей воды, он снова пошёл к иконостасу. С непривычки от малого количества еды он ощущал слабость, но так всегда бывало вначале. Молившись весь день, прерываясь только для еды и краткого сна в середине дня, он и к концу второго дня не ощущал ничего, что давало бы ему намёк на действия. Время шло, Инквизитор

размышлял: всё ли он делает как надо, правилен ли его настрой? Нет, всё правильно, надо продолжать. Он уснул крепким сном.

На третий день, помолившись до обеда, Инквизитор присел на стул и стал разглядывать витражи. Детские лица ангелов, взирающих вниз, руки молящихся, простирающиеся вверх... две стороны, так стремящиеся навстречу друг другу, но словно разделённые невидимым прочным занавесом, не имеющие возможности встретиться. Он залюбовался изображением девушки с золотистыми волосами – художник так точно передал её молитвенный порыв: устремившиеся вверх руки, пряди светлых волос. Что за художник делал этот витраж? Сколько талантов, сколько красоты, сколько страсти и величия порождено Им! И сколько лет я не обращал на это внимание? А ведь так было не всегда, я помню, как простаивал перед фресками в церкви Сан-Клименте в Риме и наслаждался мозаиками в базилике в Санта-Марии-Маджоре. Куда это ушло, почему? Его сердце смягчилось, он смотрел на витраж и на солнечный свет, проходящий в часовню, преломляющийся красками стекла и мягко рассеивающийся в воздухе. Инквизитор замер, потрясённый гармонией, порождаемой столь простыми вещами, и ощутил блаженство.

Воспоминание вспыхнуло столь неожиданно, столь ярко, что в глазах у него пошли тёмные пятна. Люсия! Она стояла у него перед глазами столь реальная, во всей своей красоте, с обезоруживающей улыбкой, веснушками, распущенными волосами, в своём любимом голубом платье. Инквизитор смотрел на неё и постепенно восторг заполнял его душу, как будто и не прошло этих семидесяти лет. Он смотрел, смотрел и смотрел, она не была статична, она смеялась, её глаза искрились, она была живая! Видение оборвалось столь же быстро, как и возникло, оставив его недвижимым и раздавленным. Он еле дошёл до икон и стал на колени, но, не в силах удержаться, лёг в полный рост, скрестив пальцы рук перед собой. Воспоминания пошли бурным потоком, картины менялись с головокружительной скоростью, но он был в таком состоянии, что успевал воспринимать их во всей полноте, успевал переживать все чувства, которые они несли. Он отключился от мира и жил своим прошлым. Когда всё закончилось, он встал и с трудом пошёл к кровати, с удивлением увидев еду (он даже не слышал, когда её принесли). Есть не хотелось, но он заставил себя проглотить хлеб, зная, что силы ему будут нужны. Повалившись на кровать, он осмысливал свои воспоминания, потеряв контроль над собой, и слёзы медленно скатывались по его щекам. *«Как я мог, как я мог?»* – только одна мысль занимала его сознание, он был не в состоянии ни о чём больше думать, с каждым ударом этого «как я мог» его боль только усиливалась, но при этом с него как будто сходил ещё один слой наносной фальши. *«Иисус говорит со мной, говорит именно то, что я должен услышать! Господи, не оставь меня, помоги мне понять!»*

Остальные дни он молился и вспоминал свою жизнь, день за днём, событие за событием, был безжалостен и беспощаден к себе. Если что-то не понимал, то возвращался и доискивался до причины каждого эпизода. Поклявшись прорвать все рамки и границы своего мышления, быть максимально честным, он думал о себе, о Церкви, о Христе, об инквизиции, о том, что теперь казалось ему истинным и фальшивым, об Испании и испанцах и многом другом. Когда через неделю он постучал в дверь, сигнализируя об окончании поста, Христо увидел его бледным и ослабленным, но его глаза блестели, в них была сила, которую Христо не замечал никогда ранее. Инквизитор был твёрд, ибо понял и осмыслил столь много, что и не надеялся на это неделю назад. Он понял весь будущий сценарий своей жизни, и знал, что сможет его осуществить. Взволнованный новым

образом Учителя, Христо обнял его и, ничего не спрашивая, помог дойти ему до своей кельи.

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИТОРА

Три дня Инквизитор восстанавливал силы, занимался накопившимися делами, решал связанные с ними вопросы и обдумывал дальнейшие действия. Время неумолимо сжималось, но на душе у него теперь было спокойно. Оставалось додумать детали, но они были очень важны для воплощения его замысла. Он ощущал его стройность, и от этого душа и тело наполнялись привычной силой, рвущейся наружу. Пришла пора действовать, но перед этим ему нужно было сделать несколько вещей. После утренней молитвы он подошёл к Эдуардо, тот без улыбки посмотрел на него.

– Пришло время нашей встречи, – сказал Инквизитор и увидел, как сжались губы Эдуардо и загорелись его глаза. – Приходите ко мне в два часа пополудни.

Эдуардо был точен, и Инквизитор отметил это про себя.

– А вы изменились, монсеньор. Ваше отшельничество, похоже, прошло успешно.

– Вот как, и что же вы видите, какие изменения?

– Даже не знаю, но в глазах у вас какой-то охотничий блеск. Опять строите свой сценарий? Учтите, я по вашему сценарию играть не буду.

– Вы умны, Эдуардо, но мыслите условностями и предубеждениями. А если мой сценарий совпадает с вашими интересами? Сделаете себе во вред? Не забивайте себе голову дурацкими вспышками гнева и обидами.

Эдуардо стукнул кулаком по столу.

– Не обращайтесь со мной как с мальчишкой! Я знаю, как вы можете создавать безвыходные ситуации, не затягивайте меня в свои капканы!

Инквизитор прикрыл лицо руками, молча массируя лоб. Помолчав некоторое время, он грустно посмотрел на Эдуардо.

– Вы же сами хотели учиться у меня, а теперь отвергаете то, что я вам говорю.

Он сделал несколько шагов по келье, потом обернулся к Эдуардо.

– Хотите, я расскажу вам, как стал инквизитором?

Эдуардо молча кивнул.

– Я родился в богатой семье. Мои родители были из знатных родов. Мать – племянница маркиза Гонсалеса, отец – граф Гарсиа. Я получил хорошее образование. Я много читал, учёба шла легко, идеи мудрецов я впитывал без труда, они сами заходили ко мне в голову и занимали там своё место. Особенно меня восхищали греки, это были настоящие титаны. Евангелие мы изучали досконально, очень много я знал наизусть, но, как ни странно, оно не сильно волновало меня, не казалось мне цельным, его трудно было уместить в систему, в отличие от того же Аристотеля, и поэтому оно меня раздражало. Все эти притчи трогали меня, но я не мог объединить их в целое. Впрочем, я не сильно старался, я наслаждался жизнью. В то время мавры были уже разбиты, Испания быстро богатела, моя семья тоже. Когда мне исполнилось семнадцать, я встретил Люсию, жизнь заиграла новыми красками. Она была девушкой из хорошей семьи, но без заносчивости и капризов. Красивая, воздушная... Когда она улыбалась, глаза её искрились, когда она смеялась, казалось, смеётся всё её существо. Мы часто виделись, нам было хорошо вместе, мы убегали за город, путешествовали целый день. Когда я начинал рассказывать об учёбе, она становилась серьёзной и слушала, но надолго её не хватало, и какая-то фраза, а то и

просто слово вызывали у неё такой заразительный смех, что и я смеялся вместе с ней, и все мудрецы казались при этом далёкими и несущественными. У нас было столько сил и энергии! Теперь я понимаю, что был счастлив тогда, просто счастлив без всяких доказательств и объяснений, но тогда... тогда я этого не понимал. Мне казалось, что это продолжение моей жизни. Богатство, успехи в учёбе, удача, теперь ещё и Люсия. Так прошёл почти год. Я жил, не особо беспокоясь о будущем, зная, что отец передаст мне свои дела, когда нужно. Но затем произошло событие, полностью перевернувшее мою жизнь. Всё началось с забавы, с игры, как мне тогда казалось, – он обернулся к Эдуардо и посмотрел на него с такой яростью, что тот отодвинулся, – когда всё воспринимаешь, как лёгкую игру... Это сильно бьёт по самоуверенным, которым всё ясно! – он почти закричал. – А мне тогда всё было ясно и понятно! – он помолчал и добавил: а уж как хитёр Дьявол, он знает нас лучше нас самих и наносит удары безошибочно!

Он помолчал, вспоминая те далёкие события.

– В Севилье отмечался праздник, я уже не помню какой. Но пастырь одной из церквей чем-то разозлил свою паству, и они отказались участвовать в нём. Он мне пожаловался на это при встрече, и я решил помочь. На очередной проповеди я попросил слово и начал рассказывать, как важен этот праздник, цитировал мудрецов, Евангелие, в конце я даже забыл, с чего начал, говорил о необходимости Церкви в жизни и уважения к её служителям. Я выплёскивал свою энергию на этих людей и получал удовольствие. К моему удивлению, после моих слов к празднику присоединилось столько народа, как никогда. Епископ поблагодарил священника, а тот рассказал ему обо мне.

Мы с Люсией вовсю смеялись над этим. Я приводил ей свои доводы, кривлялся, изображая лица слушателей и священника. Мы хохотали без умолку. Вскоре меня позвал отец, его лицо светилось гордостью. Он подробно расспросил меня о произошедшем и, улыбнувшись, сказал, что с ним разговаривал епископ и назначил мне аудиенцию. Мне! Мне только исполнилось восемнадцать! Мы встретились. Епископ смотрел на меня с любопытством. Он сказал, что давно знает мою семью, похвалил мой род. Потом мы разговорились о философии. Я, конечно, поведал ему о моих любимых грехах, но по-настоящему удивил его, когда подробно рассказал ему «Confessio» святого Патрика, моего кумира в то время. Похоже, иногда я говорил такое, о чём не знал или забыл сам епископ, его взгляд порой был растерянным. Он угостил меня прекрасным андалузским вином и к концу беседы смотрел на меня уже другими глазами. Впрочем, я не придавал этой встрече большого значения, рассказал о ней Люсии, но что-то меня зацепило, я уже не кривлялся и не смеялся, только улыбался, вспоминая удивлённые глаза епископа. Ну и, конечно, гордился собой.

Встреча имела неожиданное продолжение. Через месяц епископ, собираясь на встречу с кардиналом, предложил мне сопровождать его. Я был изумлён и согласился. Не знаю, что он рассказал обо мне кардиналу, но тот, едва мы встретились, вступил в дискуссию. Я поддерживал её, как мог, но чувствовал, что моих знаний недостаточно. Кардинал с епископом хитро переглядывались, я злился, но терпел. В то время в Мадриде образовалось несколько еретических групп, которые хотели изменить трактовки Священного Писания, принизить значение Отцов Церкви. Инквизиция их не трогала, с ними вели дискуссии, на одну из них пригласили меня. Это не был уровень кардинала, мне было понятно, о чём они говорят, я также знал, что хочет слышать кардинал. И меня было не остановить. К моему удивлению, значительную часть еретиков мне удалось переубедить. Кардинал был очень доволен, епископ просто светился от радости. Меня

пригласили на другую дискуссию. И вот тут произошло то, к чему меня так долго и изысканно подводил дьявол. Я понял это, к сожалению, только через семьдесят лет, во время последнего поста. Я ощутил власть! Не примитивную власть через силу меча, армии или связей, — он свирепо взглянул на Эдуардо, — а настоящую, истинную власть над сознанием людей. Когда есть такая власть, не нужно никакое оружие, люди сами ждут твоих приказов, им плохо без них. Как будто у тебя в руках ниточки, связывающие этих людей, и они сами за них держатся. Это было упоительное чувство! Я опьянел от него, я не ходил — летал, я перестал видеть людей, я видел только массу, которой надо было управлять. Ведь они сами хотели этого. Власть раздавила меня, расплющила, выдавив всё остальное.

Кардинал был настолько впечатлён мною, что предложил мне учиться в мадридской богословской школе. Отец был не против, и я остался. Это была достойная школа, достойные учителя, блестящая библиотека. После первого года кардинал взял меня с собой в поездку в Ватикан, и это сломало меня окончательно. Я увидел это величие, осознал масштаб организации, в которую я, якобы случайно, попал. Внешняя картина затмила для меня всё, и не было вокруг никого, кто мог бы образумить меня. Когда через три года я вернулся в Севилью и встретился с Люсией, то всё, что было между нами, мне показалось таким мелким и незначительным. Люсия уже не была той хохотушкой, она стала милой девушкой с глубокими глазами, но я уже ничего не чувствовал. Знание и власть — вот что интересовало меня. Больше я с ней не виделся. Я пошёл своим путём и дошёл до конца.

Инквизитор стоял с закрытыми глазами и молчал. Эдуардо неотрывно смотрел на него.

— Я много учился, — продолжил Инквизитор, — уважение ко мне росло, но... моё уважение к людям падало. Я видел, что они живут лишь в рамках заданной системы, сами они её создать не могли, они были слишком мелки для этого, их мир ограничивался семьёй, их волновал только бесконечный цикл рождения и смерти. Меня поражало не то, что они не могли задуматься, что стоит за этим, но что они даже не желали этого! А я задумался! Откуда появилась эта система? Почему она меняется? Как она управляет людьми, подчиняет их себе? Где это незримое, которое управляет всем видимым? И я понял, я увидел, я ощутил эти две великие силы — Иисус и Дьявол! Они оба велики и непостижимы! Но сколь разные они, их методы, их цели. И передо мной стал выбор — за кем идти? Это может показаться забавным — какой выбор у служителя церкви, дома Христа, но, — он горько усмехнулся, — Церковь — это всего лишь организация, мощная и богатая, но достаточно быть умным человеком, чтобы понять правила игры и использовать их для своих целей.

Иисус обращается к каждому человеку, он хочет привести каждого к своему пониманию свободы и цели. Он никого не заставляет. «Иди за мной», — вот всё, что он говорит, вот всё его оружие. Слово. Проповедь. Глаза. Если кому-то посчастливилось их увидеть... — он крепко стиснул ладонями голову. — Дьявол создаёт систему, его не интересует отдельная личность, разве что для того, чтобы выбрать управляющих. Ему нужна стабильность стада, исправно работающий механизм. И хотя люди всё время воюют, рушатся и создаются государства, это тоже ему для чего-то надо, но, в конце концов, стабильность восстанавливается, потому что иначе система не функционирует.

Я долго колебался. Впитанное с детства преклонение перед Иисусом оставалось, но чем больше я наблюдал за людьми, тем более абсурдным мне казалось желание Иисуса достучаться до каждого. Вся человеческая история, казалось, даже сама природа человека

противоречила этому. Свобода? Нет, людям нужен был авторитет, идол, хозяин – только так они чувствовали себя спокойно. Человеку также нужна стабильность и система – только так он может заниматься своими мелкими делами, обеспечивая себе хлеб насущный, а надсущное его не интересует. То есть, понял я, Дьявол понимает человека лучше. Мой выбор был сделан. Я предал Христа, я перешёл в другую веру, как и многие в Церкви, хотя большинство из них даже не понимает этого. Мой выбор был осознанным! Я не исповедовал культов, не читал молитв, не делал жертвоприношений и прочей чепухи. Я духом и делом стал служить Ему. Система и порядок – вот к чему я стремился. Я был убеждён, что так лучше для людей. Те из них, кто хотел большего, всегда могли пойти учиться и познавать. Но сколько таких? – он махнул рукой, замолчал и задумался.

Это был мой грех! Каждый должен пройти свой путь греха, – он снова закрыл глаза и сильно сомкнул веки. – Вот что я тебе скажу, Эдуардо, грех – не самое страшное, каждый из нас проходит свой путь. Если бы мы были безгрешны, нам нечего было бы делать на Земле, – Эдуардо, казалось, перестал дышать. – Самое страшное – прожить так, что ты в будущем не будешь способен осознать свой грех, что ты низвергнешь свою душу в такую бездну, из которой уже нет возврата. Нужно быть сильным и честным по отношению к самому себе. Если ты хочешь богатства – стань богатым, но используй его для дела и для блага других, не наделённых столь сильным умом. Если ты хочешь власти – иди во власть, но используй её для идеи, которую ты считаешь правильной, даже если потом выяснится, что она неверна. Но ты будешь честен перед собой. Если ты сохранишь свою душу невырожденной, то наступит момент, когда истина откроется тебе. Я долго не мог понять, почему я так долго живу? Я давно уже сделал то, что хотел, все, кого я знал с детства, с кем я вырос, многие из их детей уже ушли, а я жив и крепок. Какая в этом цель? Только теперь я понял, и понял предельно ясно. И открыл мне эту истину Иисус. Я горжусь, что оказался способным понять его, значит, моя душа ещё живая. Я не мог понять, как Он это сделал, но во время поста я разговаривал с Ним, не словами, конечно, но разговаривал. Эдуардо, я осознал удивительную вещь, и я передаю это тебе. Я понял, что пути Иисуса и Дьявола находятся в твоём сознании столь близко, что это расстояние ты можешь преодолеть в одно мгновение. Вот что сделал Иисус – он позволил мне увидеть Его путь. Но сколь близки эти пути в тебе, настолько различно видение мира! Когда Иисус это сделал, я стал видеть, слышать, понимать и чувствовать такое, что мог слышать, понимать и чувствовать только в детстве. И я осознал свой грех! Я понял, что мир живёт для других целей, и каждое существо прекрасно! Мир живёт не для того, чтобы строить систему, это система должна строиться для развития каждого существа. Стабильность человека – это смерть для человека. Стабильность общества – смерть для общества. Построенная мной система – это тоже смерть.

Когда Люсия появилась в моём видении и старые чувства захлестнули меня – это была гигантская волна, которой сопротивляться бесполезно, надо только отдаться ей. Эти ощущения были столь прекрасны! Я понял, что потерял. Моя главная ошибка была в том, что на заре своей жизни я отдал предпочтение разуму, а не сердцу. Тут кроется страшная ловушка: незаметно разум подавляет сердце так, что ты перестаёшь к нему прислушиваться. Другая моя ошибка была в том, что я рассматривал человека как законченное создание, и в этом виде он никуда не годился. Но я осознал, что человек намного сложнее, я вдруг увидел бесконечные проявления любви и света в действиях людей. Иисус приоткрыл мне сердце, зажатое в тисках разума, и сквозь эту щель я увидел то, что не замечал раньше. Человек меняется, тянется к свету и способен породить вещи,

достойные Бога. За всем этим стоит великий замысел Божий. Подумай, как это удивительно, Эдуардо. Ты остаёшься прежним, твоё тело, твоя сила, твой разум, но стоит только изменить путь, и твоё восприятие мира меняется кардинально!

Он замолчал и, улыбнувшись, посмотрел на Эдуардо. Глаза Эдуардо были широко открыты, сильное тело подалось вперёд, на неподвижном лице не было даже отдалённого намёка на привычную улыбку. Он напряжённо думал, глядя Инквизитору в глаза. Через некоторое время, обретя способность говорить, он спросил Инквизитора:

– Почему вы мне всё это рассказываете? Это ваши самые сокровенные мысли. Не думаю, что вы говорили об этом ещё кому-нибудь.

Инквизитор снова улыбнулся.

– Потому что я считаю тебя очень сильным, умным и честным по отношению к себе. Я думаю, что ты сможешь правильно меня понять, и это поможет тебе использовать твои немалые силы.

Инквизитор продолжал разглядывать Эдуардо. На его лице вновь появилась улыбка.

– Эй, монсеньор, я уже знаю этот взгляд, за ним сейчас последует удар. Что вы ещё хотите сказать? – Инквизитор рассмеялся, Эдуардо тоже.

– Я же говорил, что ты умён. У меня к тебе есть одна просьба.

– Какая? – продолжая смеяться, спросил Эдуардо.

– Убей меня.

Смех Эдуардо неожиданно прервался. Он только покачал головой.

– Хуан, я уже перестал удивляться, но каждый раз вы застаёте меня врасплох. Что вы имеете в виду?

– То, что сказал. Убей и стань Великим Инквизитором. За эти две недели изменилось всё, я осознал свою жизнь, больше мне уже делать нечего. Наши интересы совпали, я хочу умереть, ты хочешь занять мой пост. Сделай это!

– Так убейте себя сами.

– Не могу, самоубийство запрещено, это бегство против воли Господа. Это грех.

– Так вы хотите переложить его на меня?

– Ты же сам хотел убить меня всего пару недель назад. Что изменилось? – Эдуардо молчал. – Пройди свой путь греха, Эдуардо! – с силой произнёс Инквизитор.

Эдуардо был растерян и подавлен.

– Ты что, не хочешь быть Великим Инквизитором?

– Хочу, – чуть помедлив, сказал Эдуардо.

– Так сделай это, у тебя больше нет никаких помех, ты в одном шаге от своей мечты!

Эдуардо ушёл в себя и задумался. Через некоторое время он поднял голову.

– Я не могу вас убить.

– Почему же?

– Я не могу вам объяснить. Надо обдумать то, что вы мне рассказали, сейчас у меня нет никакой ясности в голове.

Инквизитор усмехнулся, они посмотрели друг на друга.

– Знаешь что, – сказал Инквизитор, – для большей ясности я предлагаю тебе исповедаться передо мной, как это сделал я. Сможешь?

Эдуардо задумался и кивнул головой.

– Ты голоден? – спросил Инквизитор. Эдуардо кивнул.

Инквизитор открыл дверь, позвал помощника и попросил принести им еды на двоих. Он заметил, с каким удовольствием ел Эдуардо, ничто не могло испортить ему аппетит.

Отослав помощника с посудой обратно, Инквизитор сел и приготовился внимательно слушать.

ИСТОРИЯ ЭДУАРДО

– Моя история намного проще. И короче. Мне не дано было родиться в столь богатой и уважаемой семье. Мне не пришлось учиться в лучших школах, изучать греков, Аристотеля, – Эдуардо усмехнулся. – Мой отец был мясником, простым мясником. Я не жалею. Моё детство не было голодным, я ни в чём особо не нуждался, мы жили не хуже соседей. Отец был очень сильным, жизнерадостным, набожным, особо не задумывался о жизни, просто брал то, что она ему давала, и ему было достаточно. Впрочем, и мне тоже. Моя мать... мне даже особо нечего и сказать о ней. Отец настолько доминировал в семье, что она больше молчала. После меня родились ещё трое детей, но они все быстро умерли, это надломило её, она совсем ушла в себя и своё горе. Я рос и воспринимал это как данность, я не знал, что бывает по-другому. Я сам был очень самодостаточным, энергии во мне было на десятерых, я всегда был лидером в свой округе, меня слушались, мир был прост и понятен. Лет с шести отец начал брать меня на скотобойню, наверное, он хотел, чтобы я пошёл по его стопам, хотел научить всем премудростям. Хотя какие там премудрости, – Эдуардо состроил гримасу, – но мне было интересно. Если сказать честно, мне это даже нравилось. Я видел беззащитность живого существа перед силой и умом. Повзрослев, я видел, как приводят на забой всё новых и новых животных, и ощущал неотвратимость смерти. Я видел растерянность животных перед новым местом и учился у них никогда не терять присутствия духа; видел, как слабо они сопротивлялись, когда их вели на убой, как замирали перед последним ударом и учился сопротивляться до последнего мгновения со всей своей силой. Впрочем, и среди животных были разные экземпляры. Некоторые овцы и бараны становились просто бешеными, вызывая моё уважение, и было интересно смотреть, как их умирляли несмотря ни на что. Я наблюдал за ними долго, изучил все виды сопротивления, и в какой-то момент... мне стало скучно.

По воскресеньям мы, конечно же, ходили в церковь. Сначала я воспринимал всё как красивый обряд, впрочем, довольно скучный по сравнению с отцовской работой, но потом стал слушать проповеди. Наш настоятель, отец Себастьян, был очень красноречив, я с удовольствием слушал его, но однажды, когда он говорил что-то о смирении духа, я не выдержал и подошёл к нему, страстно рассуждая об этом и, видимо, понравился ему. Он предложил мне учиться у него. Так я получил какое-никакое образование. Он даже хотел, чтобы я пел в хоре, но это было не по мне. Так я рос, жизнь была неплохая, но мне было скучно. Наследовать работу отца мне не хотелось, я не знал, куда приложить силы. Но тут началась война. Я пошёл в армию герцога, его сын возглавлял её. Война мне понравилась, я быстро научился владеть мечом. Это было очень похоже на скотобойню: сильный побеждает. Правда, я всё время слышал, что мы боремся за священное право герцога править своей землёй, но когда я разговаривал с пленными, то они говорили то же самое про своего герцога. Обе стороны приводили доказательства, какие-то договоры, права наследства. Я смеялся, понимая, что все хотели просто денег. Больше всего меня поразило лицемерие Церкви, которая благословляла обе стороны. Это было очень далеко от того, чему учил меня отец Себастьян. Я понял, что это и есть жизнь. Побеждает сильный, а всё остальное – пустые слова.

Мой звёздный час настал, когда во время одного из боёв мы попали в окружение, с нами был сам сын герцога. Силы были неравны, круг сужался, дело было плохо. Неожиданно я ощутил в себе столько силы, что не мог сдержаться и издал что-то вроде звериного рыка. Бой на некоторое время был приостановлен, все смотрели на меня. На удивление, у меня мысль заработала чётко. Я подбежал к герцогу и сказал, что не надо держать круговую оборону – нас всех перебьют. Надо все силы бросить на прорыв в горы, до которых было метров двести, самых сильных бросить на оборону, а остальным дать возможность отступить. Не дав опомниться уставшему противнику, мы со всей силы бросились в одном направлении, смели нападавших, и круг превратился в дугу. Врагов было так много, что они мешали сами себе. Мы смогли отступить. Полегло много людей, но отряд был спасён, я и сын герцога тоже остались живы. Меня чествовали как героя. Когда война закончилась нашей победой, сын герцога меня не забыл, представил отцу, который был так благодарен мне за спасение своего наследника, что наградил приличной суммой и золотом. Потом его сын поехал в Мадрид, ко двору короля, и взял меня с собой. А там всё пошло само собой. Я многим понравился, со мной хотели познакомиться разные люди, и мне предложили стать Великим Инквизитором. От такого предложения я не смог отказаться и оказался здесь, – Эдуардо замолчал, глубоко задумался. – До сих пор я не особо задумывался о своей жизни, я ей доверял, она сама несла меня. Случайным образом, благодаря войне, я попал в церковь и наблюдал за происходящим. Я был набожным по воспитанию, но скоро убедился, что ею управляют люди, далёкие от аскетизма и духовных идеалов, я увидел там ту же борьбу за власть, к которой я привык ранее, ничего нового. Но, конечно, я встречал там и искренне верующих, их было немного, но они были. Эти люди вызывали симпатию, но в целом мне их было жалко. Они были обречены на вторые роли помощников, что меня не устраивало. Я пытался понять, что же двигало ими, ведь они не все были глупы и понимали своё положение, с моей точки зрения, унижительное. Я поразмышлял и решил, что это были хорошие, но наивные люди, слегка свихнувшиеся в поисках своего рая, убедившие самих себя в своей правоте. Может, они принимали всё за чистую монету? Но я достаточно повращался в церковных кругах, чтобы не впасть в эту наивность. Но вас, Инквизитор, я не считаю ни наивным, ни лицемерным, я видел, как вы держались во время второго пришествия, как люди смотрели на вас. А после моего предыдущего визита я зауважал вас ещё больше, – он усмехнулся, – поэтому то, что вы рассказали сегодня... я даже не знаю, что и думать. У меня нет оснований не верить вам, и я не сомневаюсь в вашей силе. Если, допустим, принять во внимание ваши рассуждения, то я получаюсь каким-то грубым уродом, не чувствующим значительную часть этого мира. Я груб, но уродом себя не считаю. Что значит остаться таким же, но перейти на другую колею? Я же не могу измениться, – он посмотрел на Инквизитора, – но... что-то здесь не так. Я пока не знаю, что делать, я должен подумать.

Инквизитор улыбнулся.

– Иди подумай, ответ обязательно найдётся.

Эдуардо встал и тяжело пошёл к двери. У выхода он обернулся.

– Учитель, – сказал он и поклонился.

ПРОПОВЕДЬ

На следующий день Инквизитор позвал Христо.

– Я собираюсь посетить церковь святого Антония, это недалеко, в десяти километрах отсюда. Я хочу, чтобы ты и твоя команда сопровождали меня. Обещаю, вы получите удовольствие от этого визита.

– Но, – Христо удивлённо вскинул брови, – я в первый раз слышу об этой церкви.

Инквизитор засмеялся.

– Ты и не мог ничего о ней слышать, она ничем не примечательна, это в Томаресе, небольшом городке. Но она мне дорога, семьдесят лет назад я навещал её частенько, это был мой небольшой секрет. Церковь была хороша, а теперь, наверное, намолена ещё больше. В своё время я почти пробежал это расстояние и попадал в другой мир, столь непохожий на Севилью, такой спокойный, тихий, там я мог быть наедине с собой. Я молился, а потом не спеша возвращался домой. Это занимало почти день, но этот день давал мне много, – он положил руку на плечо Христо, прикрыл глаза, – я совсем забыл о ней, но в старости вдруг всплывают воспоминания и...

Христо внимательно слушал.

– Я думаю, монсеньор, что это произошло не вдруг, а вследствие вашего поста, который оказался очень удачным.

Инквизитор улыбнулся и с теплотой посмотрел на Христо.

– Я рад, что ты так хорошо понимаешь меня. Готовься.

Инквизитор пригласил с собой ещё несколько монахов. Он не забыл и Эдуардо, тот пообещал непременно пойти.

Они выехали следующим утром. Инквизитор, Христо, шестеро охранников и несколько монахов. По дороге Инквизитор молчал, погружённый в свои мысли. Христо наблюдал за ним, но не мешал.

– Я вижу твой взгляд, Христо, – не поднимая глаз произнёс Инквизитор. – Ты, наверное, недоумеваешь, зачем столько сопровождающих в столь короткую поездку. Не волнуйся, покушения на себя я не жду, к сожалению, – он усмехнулся. – Я взял вас в надежде, что вы хорошо запомните этот день и то, что я буду говорить. Я хочу быть уверен, что сказанное мною не растает в воздухе, а останется надолго в ваших сердцах. А дальше – как получится, не всё нам подвластно. Я, правда, не обещаю, что это принесёт вам много радости и почёта – наоборот, это создаст для вас немалые трудности, поэтому я взял тех, кого посчитал нужным взять. Теперь извини, я должен ещё поразмыслить.

Они прибыли на место до полудня. Столь представительная делегация была так редка здесь, что весть об этом разлетелась по всему городку. Когда же Инквизитор вышел из кареты и был узан, изумлению жителей не было предела. Инквизитор приказал остановить карету при въезде в город и путь до церкви проделал пешком. Он шёл не спеша, всматривался в здания вокруг себя, иногда улыбаясь, иногда одобрительно качая головой. Христо внимательно следил, чтобы ему никто не мешал, но это было излишне, никто бы и не осмелился подойти к нему, его слава и его жёсткость были давно ведомы всем. Инквизитор улыбался встречавшимся по пути, но в глазах людей читал страх. «*Я заслужил это*», – думал он, но его взгляд не дрожал. Он хорошо понимал, кем он был и кем он стал.

Вся процессия вошла в церковь. Её встретил священник, отец Фердинанд. Он недоумённо смотрел на Инквизитора и сопровождавших его, от удивления и ожидания чего-то страшного он с трудом поприветствовал гостей и замер. Фердинанд Инквизитору

понравился, у него было простое, но доброе лицо, готовое сразу же открыться любому, кто попросил бы помощи. Инквизитор улыбнулся ему и, сделав шаг навстречу, сжал ему руки. Отцу Фердинанду хватило нескольких секунд, чтобы понять состояние Инквизитора. Он сразу же расслабился и ответил ему искренней и лёгкой улыбкой. Инквизитор засмеялся – ему очень нравились такие простые люди, секунду назад боявшиеся ареста и тут же готовые тебя обнять.

– Дорогие гости, объясните мне, что же привело вас в наш город? Столь значительная фигура в столь незначительном месте – на это должна быть особая причина.

– Вы правы, дорогой Фердинанд, – ответил Инквизитор, – таково пожелание судьбы. Давайте присядем, – они пошли к лавке, Инквизитор знаком приказал оставить их.

Глаза Фердинанда горели любопытством. Нет, определённо он всё больше и больше нравился Инквизитору.

– Вы знаете, святой отец, семь десятилетий тому назад и чуть более того эта церковь была моей маленькой тайной, я многократно посещал её, сбегая с занятий, уходя из Севильи на целый день. Здесь была удивительная благодать, было так легко молиться, глубоко чувствовать. Эта церковь была моей большой любовью. Потом я забыл о ней, и вот теперь, после известных вам событий, она так ярко вернулась в моё сознание, что я решил, завершая свой путь, посетить её вновь и закрыть мой жизненный круг.

Фердинанд внимательно выслушал Инквизитора.

– Ваше Преосвященство, но вы в прекрасной форме. Вы уверены, что ваш путь завершается?

– Да, – твёрдо ответил Инквизитор.

Фердинанд на минуту задумался, размышляя, потом твёрдо сжал руку Инквизитору.

– Чем же я могу помочь вам? Только скажите, я сделаю всё, – он улыбнулся, – ведь это я как бы последнюю волю исполняю. Простите меня за мой провинциальный юмор.

Инквизитор засмеялся.

– Исполните одну мою просьбу.

– Какую, Ваше Преосвященство?

– У вас в церкви есть хор мальчиков?

– О, да, и весьма неплохой, я сам занимаюсь с ними с превеликим удовольствием. Вы знаете, когда они поют, мне кажется, ангелы оставляют святой Рим и слетаются к нам в Томарес, а когда... – он осёкся, – я, кажется, заболтался.

– Прекрасно, не могут ли они спеть для меня?

– Для вас... О боже, это такая честь, конечно, я сейчас же соберу их. А что ещё?

– Всё, – пожал плечами Инквизитор.

– Э-э-э, – протянул священник, хитро и недоверчиво глядя на Инквизитора. Они оба громко рассмеялись.

– Вас не проведёшь, святой отец, – сказал Инквизитор, – да, я хочу ещё кое-что. Можно ли мне прочитать проповедь в вашей церкви?

– Ну, конечно, конечно, это такая немыслимая честь для нашего города и церкви, я извещу об этом жителей, – он слегка задумался. – Думаю, через полчаса хор будет готов.

– Очень хорошо, а я пока помолюсь, с вашего разрешения.

– С моего разрешения? О боже, я ничего не понимаю, это говорит Великий Инквизитор? – Фердинанд засуетился, хотел убежать, но вдруг посмотрел на Инквизитора. Он подошёл к нему, глядя в глаза. – Это правда, что вы разговаривали со

Спасителем? – этот вопрос застал Инквизитора врасплох, у него сбилось дыхание так, что он не мог сразу ответить, и увлажнились глаза. Фердинанд молча сжал ему руку и ушёл.

Инквизитор сложил руки и попытался успокоиться, но не мог. Воспоминания накатывали на него мощной волной, они мягкой, тёплой пеленой окутывали его душу. Картины его юности, давно забытые, внезапно вышли из тайников и заполнили всё его сознание. Он пытался справиться с ними и обратиться к небесам, но сдался и с удивлением погрузился в них. Он видел себя молодым, снова переживал те же эмоции и страсти. Чем дольше он находился внутри этих картин, тем явственней и осязаемей становились они, тем меньше ощущалась граница между прошлым и настоящим. Прошлое исчезло, оно существовало так же мощно, как и реальность, и Инквизитор с удивлением осознавал, что он существует одновременно во всех временах. Понятие времени исчезло. Он вспомнил картины, увиденные им во время его последней аскезы, и окончательно убедился в их реальности. Тогда он испытывал те же эмоции, что и сейчас, и он утвердился в своём мнении рассказать о них. Он плывал в своих воспоминаниях, пока не почувствовал, как чья-то мягкая рука легла ему на плечо. Он приоткрыл глаза и увидел отца Фердинанда. «Хор готов, – сказал падре, – можно начинать?» Инквизитор кивнул. Он приподнял голову: перед ним стояли десять мальчиков, немного испуганные, но готовые петь. Инквизитор встал и подошёл к ним, обнял каждого, узнал имена и спросил, могут ли они доставить удовольствие ему, старому человеку, своим пением? Мальчики заулыбались и радостно закивали головами.

Инквизитор сел и приготовился слушать. Падре встал перед мальчиками, поднял руки, поддержал их несколько секунд и плавно повёл вниз. Церковь заполнилась божественными звуками, сначала не совсем уверенными, но всё более крепнущими, охватывающими всё пространство. Инквизитор узнал этот хорал, он был во здравие новорождённого Иисуса. Падре действительно знал своё дело, хор пел прекрасно, музыка струилась плавно, естественно перетекая из одной темы в другую, как струя воды, делающая изгиб, чтобы наполнить собой как можно больше пространства, как поток воздуха, меняющий направление лёгким дуновением ветерка. Инквизитор слушал, прикрыв глаза, и остатки тяжести уходили из него, он полностью погрузился в музыку... Когда она закончилась, казалось, её звуки ещё слышны в тишине. Он подошёл и обнял священника, тот понял его без слов. «А не можете ли вы исполнить «Деву Марию, обнимающую Иисуса?» – спросил Инквизитор. Падре кивнул. Потом исполнили «Во славу Святого Духа», и Инквизитор дал понять падре, что достаточно. К тому времени церковь заполнилась до отказа: казалось, весь город пришёл послушать проповедь. Христо с двумя помощниками были рядом, посматривая вокруг. Эдуардо стоял в стороне. За всё время поездки он не произнёс ни слова, только слушал и наблюдал. Он чувствовал, что внутри него что-то выворачивается наизнанку, он никогда не был в таком состоянии. Какая-то его часть сопротивлялась, она не хотела меняться, ей было страшно и дискомфортно, но он не мог сопротивляться этому новому духу, входившему в него. Он только недоумевал: как он мог прожить столько лет и не ощутить то, что ощущал сейчас?

Инквизитор взошёл на кафедру и посмотрел в зал. Очищенный музыкой, он не испытывал ни волнения, ни страха, а просто шёл по траектории своей судьбы, осознавая правильность пути, ежесекундно сверяясь, чтобы не отклониться от него. Он был предельно сосредоточен, времени у него оставалось совсем мало. Энергия, исходившая от него, передалась всем. Тишина была полная.

– Ваша церковь прекрасна, – начал Инквизитор, – она была прекрасна во времена моей молодости, и я счастлив, что Божий Дух не оставил её за все эти годы. Сейчас, когда приход возглавляет отец Фердинанд, я могу быть спокоен. Его сердце наполнено любовью, его дух ощущает божественную красоту этого мира, разум не мешает, а только дополняет. Это истинный слуга Бога, – одобрительный гул прошёл по залу. Инквизитор приподнял руку, и всё стихло. Он немного помолчал.

– Тема моей проповеди несколько непривычная. Мы не будем разбирать главы Священного Писания, не будем говорить о смирении, послушании, преклонении. Я хочу поговорить с вами, – он немного помолчал, – о честности.

Тихий ропот пробежал по залу, отец Фердинанд посмотрел на Инквизитора и понял, что сейчас будет сказано нечто особенное.

– Есть разные виды честности. Мы можем выделить честность в вере. Что это значит? Каждый должен непреклонно, несмотря ни на какие трудности и проблемы, верить в промысел Божий, в Его беззаветную любовь к своим созданиям. Каждый должен стараться понять Его замысел и по отношению к миру, и по отношению к самому себе. Каждый должен верить, что чем более он будет приближаться к пониманию этого замысла, тем счастливее будет его бытие, вплоть до полного блаженства в Царствии Небесном. Эта вера должна быть непоколебима, – последнюю фразу он сказал с такой силой, что люди застыли.

Есть честность перед Богом. Вдумайтесь, сколько сил потратил Создатель на сотворение нашего мира, сколько божественных замыслов Он вложил в своё Творение, сколько любви Он дарит всем нам безвозмездно, желая только одного – нашего исправления, чтобы изжили мы грехи наши, очистились, прониклись Им, ощутили Его настолько, чтобы принял Он нас обратно, в райские чертоги, чистых, окрепших, и возрадовался бы. Так разве не должны мы отдать часть своих сил, своей души на ежедневные молитвы, дабы подарить Ему нашу любовь? Ибо если видит Господь, что кто-то отдаёт, то и даёт ему ещё больше, чтобы испытать его.

Есть честность перед Церковью. Ибо как бы ни был силен человек, а в одиночку ему не справиться. Должен быть у него наставник, должен быть у него храм, куда он может прийти и исповедаться, проверить мысли свои, очиститься Духом Божьим, витающим в настоящей церкви. Каждый обязан ходить в церковь, и на проповеди, и самостоятельно, делать церкви пожертвования, ибо на благо всех прихожан они идут, приучать детей своих, ибо ответственен он за тех, кого привел в этот мир.

Но сегодня я хочу поговорить о другой честности – честности перед самим собой, – словно вздох прошёлся по залу. Инквизитор закивал головой. – Я понимаю вас, я понимаю вас. Многие задумывались об этом и знают, что этот вид честности самый трудный. Хорошо быть как все, вести себя как все, но... но что делать, когда ты обнаруживаешь нечто, что противоречит общему мнению, когда ты уверен в правильности чего-то, но знаешь, что, высказав своё мнение или сделав нечто, что считаешь истинным, получишь наказание тяжкое, осуждение великое, изгнание вечное. Ибо не хотят многие истины, а хотят лишь сытости и стабильности. Вдумайтесь, как важно быть стойким в правде своей, если Иисус сказал: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное». За самую великую благодать считает Иисус правду, и награда за неё самая великая. Если мы не будем способны принять другую, непривычную правду, если мы не будем гибкими, с открытым сердцем, способными к переменам, разве

не превратимся мы в книжников и фарисеев, застывших в своём великом знании, которое заменило им сердце и душу и не позволило признать Спасителя? Воистину так!

Но человек ведь может и ошибаться. Как же знать ему, что он видит: истину или козни лукавого? Иисус даёт нам это! Что главное есть в учении Иисуса Христа, Бога нашего, Спасителя нашего, Учителя нашего? Любовь! Любовь – это главный луч, который он посылает нам. И тот, кто настроен на него, открыт ему, без труда отличит правду от фальши, и самый малый среди людей сделает это. Но самый великий не сделает этого, если сердце его отягощено пороками людскими. Сказано: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Никто не мешает нам узреть Бога, всё в нас. Всё в нашей честности перед самими собой. Эта честность, я утверждаю, выше рамок Церкви, – сильный гул прошёл по залу. Инквизитор подождал, пока он утих. – Да, выше Церкви, ибо Церковь – дело рук людских, только Божья любовь выше всего, только она является мерилом.

Инквизитор посмотрел в зал. Большинство смотрели на него горящими глазами, он тронул их души; были и скучные лица, они просто не понимали сказанного, но были и злые взгляды. *«Вот они, новорождённые фарисеи, – усмехнулся про себя Инквизитор. – А это значит, что через несколько дней об этом узнают в Мадриде. Ну что же, тем лучше».* Он продолжил.

– Вы знаете, что произошло недавно в Севилье. Люди видели такое, чего не видели доселе. К нам явился сам Спаситель. Я разговаривал с Ним! Я спорил с Ним! Я смотрел Ему в глаза! Я был опорой пастве моей! Вся Севилья держалась на моей воле в час невиданных испытаний! – люди опять замерли. – Потрясения души, которые мне пришлось пережить, объяснить невозможно. Я ушёл в аскезу, и Иисус снова оказал мне немыслимую честь, Он снова говорил со мной, Он снова очищал душу мою. Не знаю, почему Он выбрал меня, но таков Его выбор. Иисус укрепил веру мою. Я очень много осознал в эти дни, жизнь моя перевернулась. Пройдя через испытания последних месяцев, я, Великий Инквизитор, назначенный королём Испании, пришёл к важному пониманию. Пойдя по пути Инквизиции, Святая Церковь совершила тяжкий грех, – зал огласился громким вздохом. Люди ошеломлённо переговаривались, не веря своим ушам. Шум не прекращался.

– Еретик! – вдруг раздался чей-то крик, и все разом затихли.

– Еретик, – произнёс Инквизитор. – Кто, если не я, понимает значение этого слова, скольких людей я обвинил в ереси, сколько еретиков я сжёг на кострах... – голос его приобрёл металлический оттенок, но ноги внезапно ослабли, и он опустил голову на кафедру.

Когда он нашёл в себе силы поднять её, то увидел перед собой полное слёз лицо отца Фердинанда, он держал в руке стакан воды. Инквизитор с благодарностью выпил воду. «Да благословит тебя Господь, Фердинанд! – сказал он. – Я буду молиться за тебя и в этом мире и в мире ином». Успокоившись, он продолжил.

– Вспомните Святое Писание и покажите мне хоть одно место, где Иисус поднял бы руку на кого-либо, приказал или хотя бы попросил кого-либо сделать это. Нет такого! Только любовь и сила убеждения. Так как же мы, Церковь, убиваем тысячами, и убиваем именем Христа? Это величайшее святотатство и, чтобы добиться прощения за это, нам придётся пройти через муки адские. Почему поддались мы искушению Дьявола? Потому что не хватило нам ни сердца, ни ума, чтобы доказывать свою правоту. И вместо того, чтобы молиться и очищаться, мы выбрали путь силы, смерти, право сильного, а не

мудрого. Где в этом любовь?! – он крикнул так, что эхо загремело под сводами церкви. – Нет любви, значит, нет Иисуса, а, значит, мы величайшие грешники! Во имя спасения христианства, во имя спасения самой Церкви мы должны немедленно отказаться от костров, пыток, судов. Людей нельзя наказывать за своё мнение. Чтобы побеждать оппонентов, мы должны улучшить наше образование, искать людей с чистым сердцем и привлекать их в церковь, убрать напрочь роскошь из жизни священнослужителей, обратиться к истокам и найти истинный путь. Если же мы продолжим и дальше идти тем же путём, что сейчас, нас ждёт неминуемое вырождение и гибель. Нам сейчас кажется, что мы сильны и авторитет Церкви непререкаем, но это только потому, что не умерли ещё корни нашего учения. Не умерли, но изрядно прогнили, и если мы не остановимся в своих жестокостях и отрицаниях пути Христова, то накопленные грехи уничтожат наш авторитет, как накопленный яд убивает тело. И останутся люди без пастыря, наедине сами с собой. Но слаб человек в одиночестве, и неизбежно воспользуется Дьявол слабостью этой и поработит он людей, лишь немногие сильные спасутся.

Я, Великий Инквизитор, говоривший с Иисусом и постигший Его сердцем, говорю вам: ни у кого нет монополии на истину, кроме как у Бога. Церковь – это детище людей. Так же, как и люди, способна она прогнуться под грехами людскими, поэтому каждый человек имеет право на свою истину, если в основе этой истины лежит любовь Христова, и Церковь должна выслушивать его и спорить с ним и, если нужно, принять правоту его. Церковь должна отказаться от богатства и роскоши, ибо это грех людской, и почти никто не в силах устоять перед ним. Не сделав это, мы дадим оружие будущим отступникам уничтожить нас. Церковь должна заботиться об образовании людей не только из богатых слоёв, ибо травы сильные растут не только на вспаханных землях, но и из камней пробиваются и в пустыне растут, питаюсь лишь росой утренней, и чем больше мы найдём умных детей, дадим им знания и направим их сердце, тем сильнее мы будем, тем меньше Дьявол сможет управлять нами.

Есть люди, ходящие во злате, а есть пахари, в поту добывающие хлеб свой. Есть учёные мужи, наполненные знаниями великими, а есть люди простые, умеющие радоваться солнцу, хорошему дню и встрече с добрым человеком. Есть воины великие, с силой немереной, поднимающие кареты, как игрушку, а есть люди, особой силой не наделённые, но каждый день работающие ради своей семьи, чтобы дать любовь свою жене и детям. Так кто же из них более велик перед глазами Господа? Вы скажете, богатые люди, ибо богатство есть печать Господа за заслуги его, вы скажете, учёные, ибо способность уразуметь столько знаний есть печать Господа за заслуги его, вы скажете, богатыри, ибо сила великая есть печать Господа за заслуги его. А Иисус говорит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное». Как же это? Где на нищем печать Божья, за какие заслуги им дарованы Небеса? Тот, кто богат, умен, силен – за заслуги и по промыслу Божьему получил он их. Но чем больше силы, тем больше и соблазна, и человек захочет ещё денег, власти, силы. В сердце же нищего духом нет места Дьяволу. Пусть оно небольшое, но чистое, а значит и место ему на Небесах. Вот что самое главное для Господа – чистота сердца вашего, и каждый, – он обвёл рукой зал, – каждый может дойти до Небес. Нет больших и малых, нет великих и незначимых, в каждом из нас частичка Господа, и не будет Он доволен, пока каждая частичка не очистится и не возвратится обратно. Так воздайте же Господу! Каждый из вас – большой и великий, и только от каждого зависит его Спасение!

ПОСЛЕДНИЕ ДЕЛА ИНКВИЗИТОРА

Инквизитор ехал в карете обратно в Севилью. Христо сидел рядом и сурово молчал.

– Спрашивай, – сказал Инквизитор.

Христо вздрогнул.

– Зачем вы сделали это? Ради чего? Вас никто не услышит и ничего не изменится. Вы просто подставили свою голову.

– И твою тоже, Христо, не забывай об этом.

– Таких голов, как моя, в мире много, а вы уникальны, монсеньор. Меня лично не удивляет, что Иисус выбрал именно вас для беседы.

– О, Христо, ты не понимаешь столько вещей! Точнее, ты их понимаешь, но твоя преданность мне не даёт твоим истинным мыслям выйти наружу. Когда меня не станет, ты быстро найдёшь правильный путь.

– Не говорите так, монсеньор.

– Мне девяносто лет, Христо. Я же не собираюсь жить вечно! – он задумался. – Есть много ответов на твои вопросы. Ты неправ, когда говоришь, что меня никто не услышит. Меня уже услышали несколько сотен людей, причём простых, живущих не в Севилье и не в Мадриде. Эти люди более восприимчивы к правде. Я думаю, большинство правильно поняли мой посыл. Меня услышал ты со своими молодцами. Вы – молодые и славные ребята, у вас впереди вся жизнь, и, я надеюсь, что мои слова помогут спасти ваши души, а даже одна спасённая душа – это величайшая заслуга перед миром. Меня услышал Эдуардо, а он очень интересная личность, очень сильная и очень интересная.

– Я не доверяю ему, – резко бросил Христо. – От меня не ускользнули его взгляды, обращённые к вам, я не терплю его похабную улыбку.

– Ты прав, но не до конца. Ты не всё знаешь. То, что ты имеешь в виду, осталось в прошлом. Он изменился, извини за нескромность, благодаря мне. Он слушал меня очень внимательно, и его глаза горели так, что я видел их даже среди толпы. И он всё время молчит, а когда такой, как Эдуардо, молчит целыми днями, это значит, что он мучительно думает. И ещё. Я подставил свою голову, поэтому я не боюсь смерти, но этого мало. Это не безрассудство, это осознание своего пути. Пришло моё время умереть, и эта проповедь была одним из тех дел, которые я был обязан сделать. Мне осталось сделать ещё одну вещь, чтобы выполнить свой долг перед Христом, я сделаю это по возвращении в Севилью. Ты и твоя команда должны будете мне помочь, – он помолчал и решительно добавил, – после этого вы должны будете покинуть город.

– Я не сделаю этого! – глаза Христо сверкнули.

– Ты сделаешь это, – жёстко сказал Инквизитор, – доверься мне, – и добавил, но уже мягче: – Такова моя воля, таково естественное течение событий. И ты сам понимаешь это: ты научился у меня многому, и тебе умирать глупо. Смирись, Христо, ведь смерти нет, есть лишь невыполненные дела. Я все свои дела сделал, а ты свои ещё даже не понял. У тебя был хороший старт в жизни, ты сможешь многое успеть.

Христо прикрыл глаза, но предательская слеза потекла по его щеке. Раздался стук в карету, он встрепенулся, рука тут же легла на нож. Он открыл дверь. Эдуардо шёл рядом с каретой.

– Могу ли я зайти? – спросил он. Инквизитор кивнул, Эдуардо рывком заскочил и сел рядом с Христо, напротив Инквизитора. – Могу ли я поговорить с вами наедине, Ваше Преосвященство?

– Нет, не можете, – резко ответил Христо.

– Тише, тише, Христо, доверься мне, ты можешь оставить нас наедине, ничего не случится, – Христо упрямо сидел, сжав губы.

– Христо, – тихо сказал Эдуардо, глядя ему в глаза, – я обещаю тебе, я ничего плохого не сделаю, мне надо обсудить очень личные дела.

Христо ещё плотнее сжал губы, но вышел из кареты.

– Учитель, – начал Эдуардо, – позвольте мне выразить своё восхищение вашей речью. Ваше мужество покоряет.

– Спасибо, Эдуардо. Но ты ведь не за этим пришёл, что тебя мучает?

– Я слушал вашу проповедь и удивлялся вашим суждениям. Вы много прочли, много осмыслили, у вас стройная картина мира, вы действительно Великий, – он чуть не сказал Инквизитор, но одумался. Инквизитор заметил это и чуть улыбнулся.

– Но я, – продолжил Эдуардо, – простой парень без серьёзного образования, вояка, как мог бы я занять ваше место в случае... – он замолчал.

Инквизитор засмеялся.

– Ну и к какому выводу ты пришёл? – Эдуардо молчал. – Да, ты прав, никто не собирался давать тебе эту должность. Этот хитрющий Пабло сыграл на твоей воинственности, жажде власти и хотел просто использовать тебя. Но он очень недалёкий, этот Пабло, он недооценил твой природный ум и способность переосмысливать ситуацию. Скорее всего, милый Эдуардо, после того, как ты выполнил бы миссию наёмного убийцы, тебя тоже убили бы.

– Я убью его, – жёстко сказал он.

– Эдуардо, ты только что слушал мою проповедь. Никого не надо убивать. Надо дать каждому пройти свой путь греха. Ты прошёл его, и за это тебе ещё придётся заплатить, считай это унижение небольшой платой. Я гораздо больший грешник, и плата моя будет огромна. Дай же Пабло пройти его путь. Убив Пабло, ты лишишь его возможности будущего осмысления и раскаяния, а это против замысла Создателя. Греха нельзя избежать, Эдуардо, безгрешным место в Царствии Небесном. И бежать от греха не надо, надо впустить его в себя, познать его и отринуть. И тогда он больше никогда не войдёт в твоё сердце.

Он помолчал и горько произнёс:

– Вот только плата высока, но тут ничего не поделаешь.

Эдуардо размышлял.

– Я думаю, мне нечего делать в монастыре. Из меня не выйдет священник, я слишком груб, необразован и прямолинеен.

– Ты ошибаешься, дорогой Эдуардо. Ты силён, ты гибок, у тебя хорошее сердце. Да, сейчас оно спрятано под маской грубости и жёсткости, но, поверь мне, ты можешь любить. Возможно, – он помолчал, – сейчас тебе стоит оставить церковную службу и пожить в миру, но ты сможешь вернуться, когда накопишь милосердие. Если ты его добавишь к своей силе, тебе не будет равных. – Он нахмурился. – Эдуардо, надеюсь, ты понимаешь, что должен бежать из Севильи как можно быстрее. Пабло не простит тебе предательства. Но ты не должен воспринимать бегство как поражение. Это победа. Ты уже не сможешь грешить, как раньше, это огромная победа.

Эдуардо смотрел на Инквизитора, как на небожителя. Он встал, глубоко поклонился ему и выскочил из кареты.

Под вечер они въехали в Севилью, начинались сумерки, но ещё было хорошо видно. Они проехали через центр, Инквизитор попросил остановиться. Он вышел из кареты и залюбовался городом, красивыми богатыми дворцами, каждый из которых был так прекрасен и неповторим. В Севилье шло бурное строительство, он видел очертания будущих зданий, которые ему уже не суждено будет увидеть завершёнными, особенно величественным обещал быть главный собор. Строившийся на развалинах мечети мавров, он уже вызывал восхищение. Инквизитор широко улыбнулся, представив, как же прекрасен он будет. Его строили уже несколько десятков лет, он был почти закончен. Как жаль, что он не увидит его во всём величии. Впрочем, красота, свыше проникающая в этот мир, бесконечна, и всего всё равно не увидишь, но будущим поколениям испанцев будет чем гордиться. Стемнело, он приказал ехать в монастырь. Уже в своей келье он сказал Христо:

– Завтра у нас будет тяжёлый день. Со всей своей командой приходите утром ко мне. Будьте вооружены.

Инквизитор проснулся усталым после вчерашнего дня. С трудом встав, он тут же отправился молиться и через полчаса ощутил, что силы наполнили его. Он хорошо позавтракал и вышел во двор. Христо стоял в готовности. «Мы идём в казематы, – Христо вздрогнул, – своим присутствием вы должны не дать никому помешать мне сделать то, что я хочу сделать». Он решительно направился в тюрьму, охранники повскакивали при его появлении. У начальника тюрьмы он потребовал личные дела заключённых. Он всех хорошо помнил, но ему были нужны номера камер и некоторые детали, если понадобится. Начальник пошёл за ним, но он приказал ему оставаться в комнате. Двое приставленных вооружённых бойцов показали всю серьёзность этого приказа. Часть остальных бойцов были рассредоточены так, чтобы не дать охранникам собраться вместе, а часть, вместе с Христо, пошли с Инквизитором. Он зашёл в первую камеру.

– Изольда Сальварес! – молодая девушка встала и поклонилась ему. – Вы обвиняетесь в помощи великому еретiku, вы дали ему кров и помогли сбежать от суда, вы вели с ним еретические разговоры и подвергали сомнению действия Святой Церкви.

– Нет, Ваше Преосвященство, я лишь помогла доброму человеку, который попросил о помощи.

– Но ведь вы догадывались, что он преступник?

Девушка помолчала, её побледневшее от заключения лицо стало ещё бледнее.

– Наверное, но у него было такое хорошее лицо, он был добр, и я... не смогла отказать ему. Я только хотела помочь, я не вела еретических разговоров, я не понимаю, что это такое.

– Я знаю, милая, – у Изольды от удивления широко открылись глаза, – поэтому я немедленно отпускаю тебя, ты свободна.

Изольда не могла сдвинуться с места, не веря своим ушам и глазам.

– Ты, что, привыкла к своей камере и не хочешь домой? – улыбнулся Инквизитор.

– Но...

– Иди, Изольда, это не розыгрыш, иди и ни о чём не спрашивай. У меня нет времени на разговоры, – мягко добавил он.

Девушка бросилась и поцеловала его руку. Инквизитор отдернул её.

– Что ты делаешь, ведь это я – причина твоих несчастий. Изольда, я хочу сказать тебе, что у тебя есть несколько дней, чтобы покинуть город, иначе тебя схватят опять. Испания большая, уходи как можно дальше.

– Но... но куда я пойду? Мы – бедная семья, у нас нет денег, здесь вся моя родня...

– Я не могу помочь тебе, милая. Я могу только предупредить тебя. Хотя, – он достал все деньги, которые были у него, и отдал их девушке, – это вся моя помощь.

Она неуверенно пошла к выходу.

– У тебя есть парень? – она улыбнулась и кивнула. – Он любит тебя? – она задумалась и кивнула снова. – Тогда уговори его идти вместе, это будет намного легче. Беги, у тебя очень мало времени, – девушка стремительно выбежала из камеры.

Они зашли во вторую камеру.

– Профессор Карлос Морсалес, так вы не отказываетесь от своих еретических убеждений и по-прежнему считаете, что родились для того, чтобы сгореть на костре?

– О! Сам монсеньор! А что, уже пора идти на костёр? Или вы хотите доставить ещё удовольствия своим работникам-садистам?

– Карлос, самая большая милость, которую можно вам оказать, – это отрезать ваш язык ради сохранения вашей жизни. Но я не буду этого делать, я только прошу вас: думайте, что и кому говорить, будьте чуточку умнее, потому что второго шанса у вас уже не будет.

– Какого шанса? – не понял Карлос.

– Я отпускаю вас, идите домой.

Карлос оторопел.

– Хуан, но ведь я действительно вёл то, что вы называете еретическими разговорами.

– Я знаю, Карлос, и я не согласен с твоими идеями, но победить тебя я должен в споре, а не с помощью костра.

– Да что происходит, Хуан, у тебя есть брат-близнец?

Инквизитор рассмеялся, но быстро стал серьёзным.

– Карлос, у меня нет времени на разговоры, быстро уходи, и я настоятельно прошу тебя как можно быстрее покинуть город. У тебя есть три-четыре дня. Ты понял?

– Да! И нет!

– У меня много работы, – Инквизитор развернулся и пошёл дальше.

В следующей камере сидела женщина с седыми волосами. Она быстро вскочила и окинула всех острым, испуганным взглядом.

– Сильвия, великая и ужасная, так за что вы попали под суд Святой Церкви?

– Я не виновата, сударь, я лишь помогала людям, когда они шли ко мне за помощью.

– Небескорыстно помогали, Сильвия, очень небескорыстно.

– Я брала только на пропитание, ведь я тоже должна как-то жить. Но сколько людей остались благодарны мне!

– Ах ты, ведьма, – грозно произнёс Инквизитор. – На пропитание, говоришь, а сколько золота у тебя забрали при обыске? Ты думала, что мы не найдём твой тайник во дворе? – Сильвия застыла. – Я знал твою бабушку и твою мать. И у них была сила колдовская, но они Бога боялись и зла не творили. Ты же, получив от них этот дар, использовала его для своего обогащения. Ты насылала на людей болезни, разрушала любовь. Но даже после этого я готов был простить тебя, если бы ты признала свою вину, но ты пыталась и сейчас обмануть меня, и совесть у тебя так и не проснулась. Силы в тебе немерено, но гореть тебе на костре адским пламенем!

– Так вот что я тебе скажу. И двух недель не пройдёт, как и ты испытаешь муки адские.
– И это твой точный прогноз? – Инквизитор улыбнулся. – Давай соревноваться, мне осталось десять дней, – и он вышел под её изумлённым взглядом.

Весь день он ходил по камерам, освобождал и обвинял, под конец дня, пошатываясь от усталости, он вышел на солнце. Христо, как всегда, был рядом.

– Христо, – грустно произнёс Инквизитор, – как же всё-таки испорчен человек, когда им овладевает зло. Из всех виновных ни один не признал свою вину, все юлили, обманывали. Никто даже не почувствовал, что я был готов простить только за признание, только за один честный взгляд, – он покачал головой и пошёл к себе в келью.

Севилья бурлила. Множество заключённых получили свободу, вернулись к своим семьям. Внезапно свалившаяся радость привела город в состояние эйфории. Люди только и говорили об этом. Все понимали, что это связано с явлением Иисуса, но поведение Инквизитора оставалось для большинства загадкой. Многие молились за него, но были и озлобленные, бессильно взиравшие на свободных еретиков, шипящие про себя на Инквизитора, ищущие способ вернуть всё, как было прежде. Но верные Инквизитору солдаты держали ситуацию под контролем. Сам Инквизитор не обращал ни на что внимания. Он продолжал ежедневные молитвы, принимал исповеди и вёл привычный образ жизни. Никакие косые взгляды монахов, казалось, ему не мешали. В один из дней он заметил в церкви Грандо. Он слегка кивнул ему: это означало, что он готов принять его исповедь.

– Как дела, Грандо? Я уж не думал тебя увидеть.

– Как вы могли подумать, монсеньор, разве я хоть раз подводил вас? Это для меня и вопрос чести, и интерес к жизни.

– Знаю, Грандо. Ну, так что ты узнал?

– Это очень интересная штучка, ваш Эдуардо. Всё, что вы сказали о нём, оказалось правдой. Он и силен, и храбр. Но он не очень наблюдателен и осторожен. Наверное, он ничего не боится, но наблюдать за ним легко. Я справился с тремя ребятами.

– И что же?

– Ничего особенного, он ни с кем не встречался. Вначале он бегал по городу, разговаривал с простыми людьми, слушал музыку, выпивал с моряками. Потом с ним что-то стало происходить, он всё реже выходил из монастыря, но мы следили – в монастырь никто из посторонних не заходил. Однажды он пошёл за город, мы – по его следам, и нашли хорошо замаскированный тайник. Я был немало удивлён, увидев там приличную сумму денег и золото. Так что, если хотите, это можно конфисковать.

– Ни в коем случае, эти деньги ему вскоре пригодятся. Спасибо, Грандо, теперь я ещё больше уверен в своём понимании Эдуардо. Он больше не опасен. Грандо, я должен попросить тебя ещё об одном. Это действительно последняя просьба. Ты должен мне кое-что пообещать.

– Что же?

– Через несколько дней жизнь в городе изменится. У меня будут неприятности. Но эти неприятности кажущиеся, на самом деле – это естественный ход событий, желанный для меня, как бы странно со стороны это ни выглядело. Ты должен пообещать мне: что бы со мной ни происходило, ни в коем случае не вмешиваться. Ты должен наблюдать со стороны. Я подчёркиваю, что бы ни происходило, и каким бы ужасным это тебе ни казалось.

Грандо помолчал.

– Вы идёте на смерть?

– Да.

– Но почему? Ведь только сейчас город стал реально меняться!

– Нет, Грандо, эта реальность кажущаяся, у меня нет столько сил, чтобы сделать эти изменения бесповоротными. Я иду на смерть, чтобы частично искупить свои грехи, другой такой возможности у меня не будет. Твой друг – великий грешник, Грандо.

– Мой друг – самый сильный и умный человек, которого я когда-либо видел. А уж я повидал людей, поверьте мне!

– Это так, я тот же самый, я только поменял вектор своей силы.

– Как это произошло?

– Я познал Иисуса.

Грандо тяжело молчал.

– Я не смогу на это смотреть, – его голос слегка дрогнул.

– Ты должен быть рядом и молиться за меня. Ты должен понять, что оказываешь мне самую лучшую услугу из возможных.

– Хорошо, должен – значит должен, – произнёс Грандо после долгого молчания.

– Прощай, друг, больше мы уже не увидимся. Береги своих мальчиков. Да благословит тебя Господь!

– Хуан, вы всегда останетесь со мной. И с мальчиками, и с их детьми. Я буду ещё долго размышлять над вашими действиями. Было большой удачей для меня узнать вас!

На следующий день Инквизитор увидел за завтраком нового монаха. Ему сказали, что это посланник из Мадрида, который привёз кое-какие бумаги. Инквизитор несколько раз ловил его взгляд и не знал, как на это реагировать. Кто это – друг или враг? Через некоторое время монах встал и решительно направился к Инквизитору; тот, на всякий случай, дёрнул правой рукой. Монах подошёл и выразительно положил правую руку на стол перед Инквизитором.

– Благословите меня, святой отец, – медленно произнёс он, глазами показывая, что там что-то есть.

Инквизитор положил свою руку поверх его и произнёс благословение. Монах поклонился и не спеша ушёл. Инквизитор почувствовал под своей ладонью кусочек бумаги и понял, что это записка. «От кого это может быть?» – недоумевал он, но так и не смог догадаться. Заинтригованный, он медленно зажал записку в кулаке и вышел из зала. Зайдя за угол, он спешно развернул её и прочёл: «Пабло со своим отрядом будет в Севилье в четверг!»

«Хорхе, – мгновенно догадался Инквизитор. – Хорхе, мой старый друг, ты со мной до последнего часа, несмотря на то, что подвергаешь себя такому риску! Да будешь ты благословлён на Небесах!» Такого он никак не мог предположить. Чувство благодарности к своему другу захлестнуло его тёплой волной, он смотрел на записку, представляя, как Хорхе её пишет, страстно желая помочь своему другу. Она была написана печатными буквами. «Правильно, чтобы не нашли по почерку». Вернувшись в зал, он отыскал посланника и подошёл к нему. Молодой парень, решительно сжатые губы, смотрит прямо, глаза не отводит. Инквизитор залюбовался им.

– Передайте в Мадрид наше общее безмерное чувство благодарности за непрестанную заботу о своих севильских братьях, – Инквизитор не удержался от неожиданно выкатившейся слезы.

Монах улыбнулся:

– Можно я расскажу о вашей слезинке?

Инквизитор рассмеялся и кивнул головой, потом положил руки монаху на голову и произнёс молитву за здоровье. Они крепко пожали друг другу руки, и Инквизитор поспешил к себе в келью. Итак, сообщение было чрезвычайно ценное. Значит, через два дня. Времени нет. Он тут же вызвал Христо.

– Христо, время пришло, мы всё обговорили с тобой, и нет смысла начинать разговор снова. Через два дня Пабло с войсками войдёт в Севилью. Он должен восстановить власть инквизиции, ему нужен не только я, но и все мои друзья и сподвижники. Так было всегда, будет и на этот раз. Я приказываю тебе завтра со всеми своими бойцами покинуть Севилью и рассыпаться по Испании, иначе ваша смерть неминуема. Бессмысленная смерть, в отличие от моей.

Христо молчал.

– Христо, пойми, это не предательство, ты должен это сделать во имя меня, иначе моя смерть будет тяжёлой, и я не смогу добиться своих целей. Ты понимаешь, о чём я.

Христо кивнул:

– Я обещаю вам сделать это, но мне никогда ещё не было так тяжело.

Инквизитор крепко обнял его.

– Ты настоящий друг, Христо, и я благословляю тебя на поиск своей цели в этой жизни. Уверен, ты найдёшь свой путь, и он будет наполнен истиной и любовью.

Христо медленно направился к двери.

– Позови ко мне Эдуардо.

Христо остановился.

– Учитель, объясните мне, что связывает вас, столь разных во всём людей?

– Да, конечно, теперь я могу это сделать. Только ничему не удивляйся. Эдуардо был подослан Пабло, чтобы убить меня и освободить место Великого Инквизитора. Но обстоятельства сложились так, что у него это не получилось, а потом он стал моим фактическим учеником и почти другом. Ты можешь полностью положиться на него, – Инквизитор улыбнулся.

– О падре, я бы хотел прожить столь удивительную жизнь, как ваша. Прощайте! Спасибо за всё!

Инквизитор смотрел на захлопнувшуюся дверь и размышлял. Через полчаса дверь открылась без стука.

– Мне говорили, что вы не запираете дверь, – со смехом в комнату вошёл Эдуардо, они оба рассмеялись и обнялись.

– Эдуардо, дорогой, мне стало точно известно, что через два дня Пабло с большим отрядом войдёт в Севилью. Ты должен завтра же покинуть город, – Эдуардо в мгновение стал серьёзным, он испуганно посмотрел на Инквизитора. – Я остаюсь, так надо. Надеюсь, ты понимаешь меня, – Эдуардо кивнул. – Друг мой, зная тебя и твою неуёмную энергию, я почти уверен, что план побега у тебя готов, – Эдуардо улыбнулся и кивнул. – Может, расскажешь? Мне очень интересно.

– Учитель, вам осталось жить несколько дней...

– Ты прав, но всё равно интересно.

Эдуардо оживился.

– Вы знаете, я тут разговаривал с разными бывалыми людьми и узнал, что один пришлый итальянец Христофор готовит большую морскую экспедицию, он хочет отыскать новый путь в Индию. Если получится, это принесёт несметные богатства. Хотя деньги у меня есть, но лишние не помешают. И, знаете, мне стало тесно в Испании, я хочу увидеть и прочувствовать другие страны этого мира.

«Вот тебе и разговоры с морячками», – усмехнулся про себя Инквизитор, но виду не подал.

– Прекрасно, мой друг. Нетривиальное, но правильное решение. Ты меня не разочаровал. Эдуардо, сейчас мы расстанемся, помни все наши разговоры, я благословляю тебя на поиск своего пути. Не будь больше ничьей марионеткой. Ты должен прийти к Христу. Сверяй все свои действия: идёшь ли ты к нему или от него. Прощай!

Эдуардо долго смотрел в глаза Инквизитору. Они обнялись, он пошёл к двери, но перед самым выходом остановился.

– Падре, вы мне стали как отец. Позвольте мне называть вас в будущем отцом?

Инквизитор даже прикрыл глаза.

– Эдуардо, сын мой, я буду намного счастливее там, за порогом, зная, что у меня остался такой замечательный сын.

Они посмотрели друг на друга в последний раз, и дверь закрылась.

Инквизитор постоял в звенящей тишине. Он вдруг почувствовал себя таким усталым, что еле дошёл до кресла. *«Всё! Я один! Больше с этой жизнью меня ничего не связывает. Кроме смерти, но и это очень важно»*. Он наблюдал, как бы со стороны, как тоска одиночества медленно стала сжимать ему горло, как постепенно тело становилось безвольным и бессильным, как разум захватывало беспредельное чувство жалости к самому себе. Он встрепнулся и улыбнулся. Так вот как это происходит! Забавно. Нет, дела надо доводить до конца. Он должен ещё сыграть последний акт своей пьесы. Надо пойти хорошо поесть, сил должно хватить до конца. Он решительно встал, но внезапно голова закружилась. Он застыл и подождал, пока головокружение не прошло. *«Дыхание смерти, – улыбнулся он, – нет, ещё рановато»*.

Оставшиеся два дня он всё время был среди людей, вёл беседы, отвечал на вопросы и не замечал косых взглядов со всех сторон. Монахи замечали исчезновение многих приближённых Инквизитора и понимали, что что-то должно произойти, и скоро, но Инквизитор был неприступен и не отвечал ни на чьи немые вопросы. Всё свободное время он сидел или стоял на коленях перед иконой Иисуса и молился, молился, молился, молился, молился.

КАЗНЬ

Пабло и его отряд вошли в Севилью вскоре после утренней молитвы. Инквизитор в этот день не выходил из кельи и ждал. Пабло направился прямо к нему, не задерживаясь нигде. Для него Инквизитор был центром мятежа, и надо было захватить центр. Он ожидал сопротивления бойцов Христо и взял большой отряд, но, к удивлению своему, никакого сопротивления не было, он вообще никого не видел. Ворвавшись в келью Инквизитора, он ожидал увидеть его удивлённое лицо, но Инквизитор сидел спокойно в кресле, скрестив руки. Также спокойно, не вставая, он встретил вошедших.

– Именем короля Испании и Его Святейшества кардинала я уполномочен арестовать мятежника и еретика Хуана. Не вздумайте сопротивляться, иначе на вас обрушится весь гнев испанской короны! – выпалил он заранее заготовленную речь и осёкся. Инквизитор, не меняя позы, сидел в кресле, с любопытством глядя ему в глаза. Пабло ждал хоть какой-нибудь реакции, но Инквизитор просто молчал. – Вы арестованы, встаньте и пройдите туда, где подобает находиться арестантам.

Инквизитор встал и пошёл. Один из солдат хотел связать ему руки.

– Не надо меня провожать, я знаю дорогу лучше любого из вас.

В сопровождении нескольких десятков солдат они проследовали по городу. Люди провожали их недоумёнными взглядами. За последние дни уважение и восхищение Инквизитором возросло настолько, что теперь они просто не верили своим глазам. Весть об аресте Инквизитора моментально разошлась по городу, и он забурлил.

Через час в камеру вошёл Пабло. Вид его был самодовольный, он чувствовал себя главным в Севилье.

– Ну что, Ваше Преосвященство, как вы себя чувствуете в столь знакомых местах? – ухмыляясь, начал он.

– Сколько с вами бойцов? – резко спросил Инквизитор.

– Что? – от удивления Пабло застыл с открытым ртом.

– Сколько с вами бойцов? – медленно, почти по слогам, снова произнёс Инквизитор.

– Около двух сотен, – ничего не понимая, ответил Пабло.

– Около, – Инквизитор только покачал головой, – вы, что, ничего не понимаете? – от удивления Пабло не знал, что говорить. – Я был с гражданами Севильи во времена конца света, я недавно освободил многих граждан, которые вернулись в свои семьи. Мой авторитет в городе велик, как никогда, и вы собираетесь сжечь меня на глазах у всей Севильи, тридцатитысячного города, имея в распоряжении около двухсот бойцов? Да вас в клочья разнесут!

В глазах Пабло стало появляться нечто, похожее на проблески мысли.

– Но... что теперь делать? У меня больше нет войск.

– У вас достаточно полномочий от короля, – Пабло кивнул. – Тогда идите и мобилизуйте отряды вокруг Севильи. В близлежащих городах есть небольшие гарнизоны, около двух тысяч гренадёров, включая конников, в десяти километрах от Севильи стоит лагерь наёмников, германцев, они не знают языка и ничего не понимают в нашей жизни. Они свирепы и их боятся. Мобилизуйте всех, тогда у вас будет шанс сделать то, что вы хотите.

Пабло воодушевился, глаза его снова загорелись, и он выскочил из камеры.

Инквизитор думал, что это займёт у Пабло неделю и удивился, когда через три дня он пришёл к нему и заявил, что более трёх тысяч, включая наёмников, уже в городе.

– Bravo, у вас определённые организаторские способности.

– А я ещё распустил слухи о ваших предыдущих деяниях и...

Инквизитор рассмеялся.

– Это хорошая мысль, тут вам нет равных, Пабло, – Пабло осёкся.

– Что вы затеваете, Хуан? Я не понимаю. Вы не оказываете никакого сопротивления, ваша знаменитая гвардия бросила вас на произвол судьбы.

– Моя гвардия не бросила меня, а получила приказ уйти из города во избежание бессмысленных жертв.

– Бессмысленных? Бессмысленных? Это ваша жизнь! То есть вы хотите сказать, что сознательно идёте на смерть?

– Да, иначе я бы ушёл вместе с ними.

– Ради чего? Вы едете в этот городок, название которого я даже не вспомню, произносите еретическую речь, равносильную смертному приговору, не сопротивляетесь... А, я понял, вы хотите принять мученическую смерть во имя Его, принять муки, как принял их Он. И что вам это даст? Что?

– Частичное искупление грехов.

– Вот именно, частичное! Вы глупец, Инквизитор, под старость разум отказал вам. Вы разорвали договор с настоящей силой, которая дала бы вам реальную защиту после смерти, и со всеми вашими грехами прыгаете в ад без всякой поддержки. Вы думаете, Он поможет вам? Не сможет, даже если захотел бы! Слишком много грехов на вас висит!

– Знаете, Пабло, а вы, на удивление, неплохо разбираетесь в ситуации. Вы умнее, чем кажется. Это даёт надежду, хотя и крошечную. Вам около сорока, Пабло, а мне девяносто. Представьте, каким убеждённым я был в вашем возрасте! Но между нами есть разница. Я строил свою систему ради людей, я искренне считал, что люди ничтожны, у них нет шанса на спасение, так пусть, по крайней мере, они живут в жёстком порядке, сытые и с крышей над головой. Вы же живёте ради себя, ради своей сытой жизни.

– Ну, и какая разница? Мы делали одно дело.

– Разница в том, что отравленная эго душа не сможет принять другую реальность, даже понимая, что она правильная, если эта реальность будет угрожать комфортной жизни.

Пабло помолчал, размышляя о своём.

– Глупости всё это, вы мне морочите голову. Я выбрал свой путь, я наслаждаюсь им, я успешен, я продвигаюсь, жизнь интересна, и я в ней победитель. Значит, мои решения правильны.

– А если этот путь заведёт вас в тупик? – Пабло насмешливо махнул рукой.

– Я вас понял, – он стал серьёзным. – Хорошо, скажите мне только одно: как с вами это произошло?

– Что?

– Ваш разворот от Великого Инквизитора до ереси отрицания инквизиции, от негибкой личности до слезливого старика.

– Пабло, я не буду вдаваться в детали, вы сейчас их просто не сможете почувствовать, но запомните, в будущем может пригодиться. Главное в жизни – желание познать истину, гибкость ума, сердце, способное принять Иисуса, и честность перед самим собой. И тогда, если в какой-то момент вы почувствуете, что должны изменить свою жизнь, потому что не можете жить по-другому, вы сумеете сделать это. Мы не будем это обсуждать, просто запомните.

Пабло походил по камере.

– Всё, Хуан. Теперь казнь.

– Я могу посоветовать вам лучшего мастера по кострам, спросите у людей Нандика. Он делает такие костры, которые не гаснут ни при каком ветре, горят равномерно и быстро, людям не успевают наскучить.

Пабло усмехнулся и покачал головой.

– Хорошо, спрошу.

– У Нандика есть определённые сантименты по поводу меня, дайте ему двойную цену.

– А за двойную цену сантиментов не будет? – насмешливо спросил Пабло.

– Он простой человек, у него пятеро детей.

Пабло остановился и внимательно посмотрел на Инквизитора.

– Вы самый удивительный человек, которого я встречал. Как жаль, что так бездарно заканчиваете свою жизнь.

Инквизитор молчал, Пабло развернулся и вышел.

Оставшееся время Инквизитор провёл в безмолвии, он не хотел даже молиться. Он находился в состоянии полной отстранённости от земных дел и мыслей. Это состояние давало ему такое чувство гармонии, которое он никогда не испытывал ранее: он был и не был одновременно, но внутри у него продолжал гореть огонь необыкновенной силы, делая его тело свежим и бодрым. Он хорошо поел, так как хотел сохранить силы для последнего акта своей пьесы. К нему приходил священник (никому не доверяя, Пабло привёз своего священника) и причастил его. Никогда ещё он не ощущал мир столь совершенным, никогда ранее он не верил столь сильно в правильность Творения. Он понимал, что на Земле осталось только его тело, а все его чувства, сознание и новое постижение уже за пределами.

Лязгнул засов на двери, в комнату вошли Пабло и трое охранников. Инквизитор посмотрел на них, молча встал и пошёл к выходу. Даже будучи отстранённым, он заметил, как пристально смотрит на него Пабло, не пропуская ни одного его взгляда, ни одного движения. Они пошли по коридору, путь ему указывать не надо было, он знал его лучше всех. Остановились перед выходом из тюрьмы. Пабло постучал по воротам определённым стуком, и ворота открыли с другой стороны.

На улице их ждал отряд из тридцати воинов, они плотно окружили Инквизитора и таким строем пошли к площади. Инквизитор шёл так же бесстрастно, сохраняя настрой последних дней, но когда они вышли на площадь, то гул многотысячной толпы ворвался в его сознание. Люди расступались перед ними, тысячи глаз смотрели на него. Он наблюдал: у большинства в глазах читалось сочувствие и сострадание, были и злые глаза, были злорадствующие, но не было равнодушных. В какой-то момент в строю солдат оказалась прореха, внезапно женщина бросилась к нему и поцеловала ему руку. Он удивлённо посмотрел на неё, он её не знал (наверное, мать или жена одного из освобождённых). Солдаты схватили её и швырнули обратно. Инквизитор проводил её взглядом и наткнулся на знакомые глаза, но этого человека он видел в первый раз. Он вгляделся снова и обомлел. Это же Христо! Верный своему Учителю, он не смог покинуть Севилью, не проводив его в последний путь. Для маскировки он наклеил бороду и усы, узнать его было почти невозможно. Он наклонил голову, дав понять, что узнал его, Христо поклонился в ответ. Солдаты ещё плотнее сжали свои ряды.

Пабло очень нервничал, ему было не по себе, он почти терял контроль над собой и хотел только одного: чтобы поскорее всё кончилось. Он видел настроение людей и боялся, что где-нибудь на площади вспыхнет искра, начнётся волнение, и, кто знает, чем это закончится. А ему было очень важно доложить кардиналу, что всё прошло гладко, без эксцессов. Кардинал понимает трудность задачи и сможет оценить действия Пабло. Его трясло ещё и от осознания того, что могло произойти, если бы он не послушался Инквизитора и остался бы со своими двумястами воинами. Он боялся: а вдруг эта хитрая bestия приготовила ему сюрприз, который он не мог предвидеть? Уж слишком он умен. Пабло окинул взглядом площадь: везде солдаты, площадь рассечена на сектора. Пока всё хорошо. Но он уже не мог владеть собой, его волнение только усиливалось.

Отряд достиг костра, он был огромный, как будто собирались сжигать несколько человек сразу. К Инквизитору подошли несколько наёмников и повели его к помосту. Посередине помоста стоял шест, и один из наёмников взял в руки толстую верёвку, чтобы привязать Инквизитора. «Не привязывай меня больно, оставь мне силы до конца казни», – по-немецки сказал ему Инквизитор.

Тот остановился от удивления, потом принялся за работу. Плотно привязав его, стараясь не давить на кости и жилы, он спросил:

– Так нормально, нигде не подправить?

– Нет, всё правильно. Спасибо! – искренне поблагодарил его Инквизитор. Наёмник странно посмотрел на него и пошёл вниз. Проход закидали хворостом.

«О чём они там болтают? – застонал про себя Пабло. – Что это за человек такой! Ему осталось жить меньше часа, а ему ещё важно что-то сказать какому-то немцу. А, может, они в сговоре? Ведь это он уговорил меня привести наёмников! Глупости, надо успокоиться, надо взять себя в руки. А тут ещё этот Нандик соорудил такой гигантский костёр. Сколько же он будет гореть? Ему заплатили больше, так он и постарался, или это из уважения к бывшему хозяину? Господи, когда же это закончится?»

Ноги у Пабло стали подкашиваться, он нервно поглядывал по сторонам, нет ли где волнений. Но люди, наоборот, стояли притихшие, будто всё ещё не верили своим глазам.

Пабло вышел вперёд и взмахнул оранжевым флагом, несколько солдат с факелами стали зажигать костёр с разных сторон. Огонь стал пожирать мелкие ветки и нехотя разгораться. Инквизитор почувствовал небольшое тепло, пробиравшееся ему под сутану, услышал треск. Он поднял голову и посмотрел на площадь. От этого взгляда исходила такая уверенность, такая сила и такое спокойствие, что это передалось всем стоящим. Люди застыли и, не отрываясь, смотрели на Инквизитора.

– Молитесь за меня! – неожиданно крикнул он.

Люди стали переглядываться, потом один, за ним другой, а потом волнами стали падать на колени. Не прошло и полминуты, как вся площадь истово молилась за Инквизитора. Солдаты-испанцы не знали, что делать, они чувствовали, что происходит нечто из ряда вон выходящее, что люди не будут просто так на казни молиться за преступника. Они не выдержали и тоже встали на колени, присоединившись к единой молитве. Наёмники недоумевали ещё больше, не понимая, что здесь происходит. Они были диковаты, но тоже христиане. Тот, кто привязывал Инквизитора, встал на колени и присоединился к молитве, его друзья последовали за ним. *«Ах ты, старая бестия, – Пабло бушевал, – даже перед смертью он повелевает толпой, как это может быть?»* – Пабло встал повыше, чтобы приказать прекратить слушать врагов церкви, но увиденная картина потрясла его. В полнейшей тишине, прерываемой лишь трескающимися поленьями и раздающимся в толпе плачем, люди молились, объединённые единым порывом. Над площадью стояла наэлектризованная тишина. Он открыл рот, но замер, его затрясло, ноги окончательно отказали ему, и он тоже упал на колени. Помимо его воли откуда-то из подсознания вышла молитва и завладела им.

«Господи, помоги рабу твоему Хуану, может, он действительно святой, дай ему спасение, дай ему то, что он хочет. Может, он действительно овладел какой-то великой правдой, не мучай его долго, поскорей заberi его к себе».

Инквизитору становилось всё горячее. *«Ещё чуть-чуть, не сейчас»*. Искра прожгла ему сутану на ноге и впилась в тело. *«Ещё чуть-чуть»*. Он почувствовал ещё один укол, ногами стал овладевать жар, он становился всё сильнее. *«Пора»*, – решил он и начал свою последнюю молитву.

«Со всеми моими достоинствами и недостатками, слабостями и знаниями, поражениями и достижениями, злобой и милосердием, грехами и праведностью! Со всеми моими помыслами, постижением, со всем, что я накопил в этой жизни! Со всей моей силой, разумом и любовью...»

Он собрал последние силы и крикнул на всю площадь:

– Я иду к тебе, ИИСУС!

14.11.2019